

Бр. Джаншиевъ.

Э П О Х А ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ

(Освобождение крестьянъ.—Отмена тѣлесн. наказ.—Университ. автономія.—Земство.—Цензурн. реформа.—Гласный судъ и судъ присяжныхъ.—Воинская реформа.✓
Город. самоуправлениe.—Изъ обществъ хрон.—Дѣятели преобр. эпохи).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ.

Чьмъ ночь темній—тѣмъ звѣзды ярче.
Майковъ.

Съ портретами Бѣлинскаго, Грановскаго, грр. С. С. Ланекаго и Я. И. Ростовцева, Я. А. Соловьевы, гр. В. Н. Панина, С. И. Заруднаго, Н. А. Милютина, В. А. Арцимовича, Д. А. Ровинскаго, Н. А. Буцковскаго, и К. К. Грота.

7-е ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

МОСКВА.

Типо-лит. К. Ф. Александрова, Арбатъ, бл. Арбатскихъ вор., д. 11. 1898.

IV.

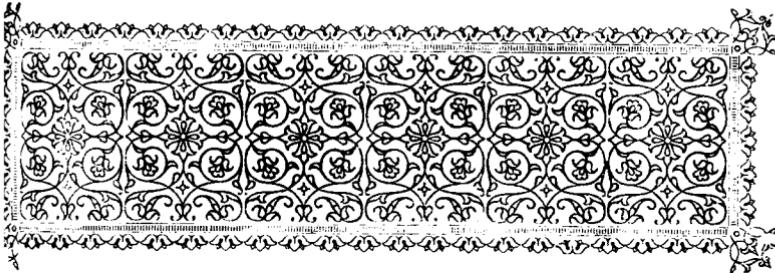
ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ.

Принцип правительства независимости не есть что либо чуждое правительству, идущее наперекор ему, умаляющее или стесняющее его; напротивъ, этотъ принципъ есть сама правительственная мудрость; въ развитіи этого начала заключается весь прогрессъ и правительства, и общества.

M. H. Катковъ. (1864 г.).

Будьте упрени—враги великихъ реформъ, дарованныхъ русскому народу и впервые вводящихъ его въ кругъ цивилизованныхъ наций, не могутъ не быть врагами своего народа!

Онъ же. (1867 г.).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Земское Положение 1864 г.

(Справка къ 30-ти лѣтію).

Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе снять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто ознаменованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей.

П. А. Валуевъ (1855 г.).

I.

Исторія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г. можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ тому, какъ иной разъ реформа, задуманная при единодушномъ сочувствіи общества, ведетьъ быстрому разочарованію и къ продолжительнымъ, крупнымъ недоразумѣніямъ, благодаря отсутствію рационального плана у руководителя реформы и стремлению его сочетать противоположные принципы, совмѣстить взаимно исключающія другъ друга системы и тенденціи. Корень земской реформы 1864 г., какъ и всѣхъ другихъ реформъ 60-хъ годовъ (и частью и 70-хъ: Городовое Положеніе 1870 г. и

Уставъ о воинской повинности 1874 г.) лежить все въ томъ великомъ освободительно-гуманиомъ движениі конца 50-хъ годовъ, которому Россія обязана своимъ быстрымъ обновлениемъ и возрожденiemъ послѣ тридцати-лѣтняго застоя, завершившагося севастопольскимъ погромомъ. Ближайшимъ же источникомъ земскаго Положенія служить русская *magna charta libertatum*, великий законодательный актъ 19-го февраля 1861 г., явившійся, по справедливому замѣчанію одного журнала¹⁾, первымъ плодомъ дружного, воодушевленнаго общественнаго движенія и, какъ путеводная звѣзда, освѣщавшая (вѣрно было бы сказать, существовавшая освѣщать) путь послѣднюю шимъ преобразованіямъ. Такая тѣсная связь, связь не только внешняя, хронологическая, но и внутренняя, нравственная, причинная признается не только историками и публицистами, но и официальными документами.

Мысль о необходимости переустройства мѣстнаго общественно-хозяйственного управленія, равно преобразование прочихъ частей управления — уѣзднаго, городского, губернского, читаемъ въ одной обширной официальной исторической запискѣ, возникла при начертаніи въ концѣ 50-хъ годовъ Положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и затѣмъ послужила основаніемъ *поступательному*, еще не завершившемуся, движению законодательства въ области преобразованія мѣстнаго управлениія, которое, такимъ образомъ, «является необходимымъ и неизбѣжнымъ послѣдователемъ великой реформы славнаго царствованія блаженнаго памяти Императора Александра II — дарованія свободы 20-ти миллионному крѣпостному населенію»²⁾.

1) Только защищаясь закономъ, говорили Отч. Зап., можно успѣшно бороться съ производомъ и подвинуть къ этой борьбѣ все общество. Только опираясь на *Magna charta*, англичане дошли до *Habeas Corpus-act'a*. Положеніе 19-го февраля — это наша первая хартія, приобрѣтенная общимъ единодушнымъ сознаніемъ его необходимости. (1862 г., № 9, стр. 26).

2) См. стр. 1. *Исторической Записки о ходѣ работы по составленію и примененію положенія о земскихъ учрежденіяхъ*. Записка составлена въ 1889 году, кажется, въ кодификаціонномъ отдѣлѣ.—Если англичанинъ Макензи Волзъ былъ пораженъ эрудиціею, которую онъ встрѣчалъ въ продуктахъ папіей бюрократии, выводящей на справку законы временъ царя Соломона: пелопонесской войны и пр. (см. *La Russie. Paris. 1879, t. I, 304*), то не менѣе поразительны и размѣры этихъ продуктовъ, должностнуюющіе привести въ ужасъ убѣленныхъ сѣдинами членовъ нашихъ законодательныхъ учрежденій (въ виду этого поднятый недавно вопросъ о „переутомлениї“ ихъ).

Почему поступательное движение въ мѣстномъ управлениі являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ великой реформы, въ чемъ именно заключалась основная тенденція этого движенія и осуществляло ли ее Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года? Въ названной офиціальной запискѣ, составленной въ 89 г., т. е. время, далеко неблагопріятное для оцѣнки идеи и стремлений 60-хъ гг., конечно, нельзя найти прямаго и вѣрнаго отвѣта на эти вопросы, точная постановка и разрѣшеніе коихъ выходили бы даже за предѣлы практической ея задачи, чуждой историческихъ, идеиныхъ обобщеній, но вѣкоторый намекъ или отвѣтъ на эти вопросы находимъ и въ сухомъ офиціальномъ изложеніи хода дѣлъ. Указавъ на то, что цѣлью земской реформы было стремленіе предоставить хозяйственному управлению большее единство, самостоятельность и довѣрие, а послѣ освобождения крестьянъ и необходимость новаго распределенія земскихъ повинностей, обѣщанаго 167 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ, — историческая записка, помимо этихъ, такъ сказать, материальныхъ, техническихъ или практическихъ поводовъ (не одними же заботами о мостахъ и гатахъ была вызвана, въ самомъ дѣлѣ, та необычайная настойчивость и лихорадочное нетерпѣніе, съ которыми печать и многія дворянскія собранія въ 62—63-мъ гг. ждали и требовали скорѣйшаго открытія земскихъ учрежденій!) къ мѣстной реформѣ указываетъ и на соображенія правительственно-политического порядка. «Независимо отъ сего необходимо было, сказано въ Запискѣ, положить предѣлъ возбужденіямъ по походу образованія земскихъ учрежденій несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремлѣніямъ разныхъ сословій». Такимъ образомъ, земская реформа должна была удовлетворить двумъ требованіямъ: стремленію улучшить мѣстное хозяйственное управлениѣ и дать исходъ свободнымъ стремлѣніямъ общества, т. е. единодушному, громкому просу на самоуправлениѣ, заявленному общественнымъ мнѣніемъ.

И эти «свободныя стремлѣнія» не были дѣломъ случайного, минутаго увлеченія, а логическимъ выводомъ тяжкаго исторического урока, скликанаго торжествомъ всемогущей бюрократической опеки и полнымъ подавленіемъ общественной мысли, слова и дѣятельности.

Представляется, пожалуй, празднымъ). — Такъ, поминутая „Записка“ занимаетъ 400 печатныхъ страницъ in folio. — Судя по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи подлиннымъ журналамъ госуд. совѣта 1864 г., Записка почти болѣкомъ повторяетъ ихъ. — См. также: М. И. Свѣншинкова — „Основы и предѣлы самоуправления“. СПб. 1892 г. стр. 121—162.

Я сдѣлалъ, что могъ; жалѣю, что не могъ сдѣлать лучшее, говорилъ на смертномъ одрѣ Императоръ Николай I, съ горечью констатируя предъ своимъ наслѣдникомъ «непорядокъ въ командѣ»¹⁾. Эти простыя, дышащи глубокою искренностью и чуждыя всякой официальной условности слова, — сказанныя вдобавокъ въ такую исключительную по торжественности минуту, когда дыханіе смерти носилось уже надъ головою сильнейшаго изъ сильныхъ міра сего — были настоящимъ ногребальнымъ звономъ для старой всесильной, всеподавляющей, непогрѣшимой бюрократической системы, основанной на крѣпостномъ правѣ и неизбѣжномъ спутникѣ его, канцелярской рутинѣ и чиновничемъ произволѣ и опекѣ. Если даже такой сильный волею, извѣстный своею энергіею, твердостью принциповъ, рѣдкимъ трудолюбіемъ и инициативой въ дѣла управлѣнія монархъ не могъ избѣжать, крупныхъ промаховъ, то это съ очевидностью доказывало непригодность существовавшей бюрократической системы управлѣнія или точнѣе «команды», какъ выражался самъ Николай I. Да, именно «команда», — этотъ военный терминъ идетъ какъ нельзя лучше, потому что вся дoreформенная система, по вѣрному опредѣленію хорошо знавшаго ее, извѣстнаго государственнаго человѣка Н. А. Милутина, была не что иное, какъ *военно-вотчинное* управлѣніе въ духѣ временъ 30-ти лѣтней войны²⁾, имѣя идеаломъ аракчеевскія военные поселенія. Когда одинъ изъ даровитѣйшихъ изобрѣтителей языка дoreформенного старого строя³⁾, М. П. Катковъ, говорилъ, что дoreформенная администрація была: *все во всемъ*, другими словами, что она чуть не присвоивала себѣ атрибуты, подобающіе одному лишь всемогущему и вездѣсущему божеству⁴⁾, то тутъ не было гиперболы или натяжки. Достаточно вспомнить, что тогдашняя цензура дерзала наложить свою тяжелую

¹⁾ Cardonne — *L'empereur Alexandre II.* Paris 1883, p. 216. (См. выше главу I.)

²⁾ Leroy-Beaulieu — *Un homme d'état russe (N. Milutine).* Paris. 1884, p. 16. «Сердце обливается кровью при чтеніи вашихъ депешъ, писалъ Н. А. Милутинъ 17 марта 1856 года новороссийскому генерал-губернатору графу Строганову; таково общее впечатлѣніе, но все, что мы тутъ (въ Петербургѣ) ни сдѣляемъ, принесетъ ничтожную пользу странѣ, пока она будетъ предоставлена безконтрольному усмотрѣнію арміи, управляемой въ духѣ временъ Валленштейна».

³⁾ Моск. Вѣdom. 1866 г., № 198.

⁴⁾ Апост. Павла I Посл. въ корино. XV, 28 — „да будетъ Богъ все во всемъ“.

руку даже на самое Священное Писание¹⁾, что бюрократія не въ шутку, а вполнѣ серьезно подготавляла «проектъ религії» для инородцевъ, составленный эклектически на основаніи Евангелія и Корана²⁾... Въ своемъ стремлениі искоренять вездѣ самомалѣївія проявленія «буйной» самостоятельности, бюрократія, вѣроятно, не преминула бы исправить «ошибку Прорицанія», надѣлившаго человѣка свободою воли³⁾, если-бы имѣла она на то достаточно досуга, силъ и средствъ.

Стянувъ все къ одному центру⁴⁾, захвативъ и подчинивъ своей

1) Пол. собр. сочин. И. С. Аксакова, т. V, 165. — Типичный представитель государственного „исламизма“ Д. П. Бутурлипъ требовалъ, чтобы вырывали иѣско-лько стиховъ изъ акаеиста Покрову Божіей Матери, напр. такой: Радуйся, незримое укрощеніе вѣдьмъ жестокихъ! — Когда Бутурлипу объяснили, что этимъ опѣ осуждаетъ автора акаеиста, своего патрона св. Григорія Ростовского, котораго никогда не считали революционеромъ, Бутурлипъ замѣтилъ: „кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасный выраженій“. Гр. Блудовъ возразилъ, что такія выраженія встречаются и въ Евангеліи, на что Бутурлипъ въ шуточномъ тонѣ отвѣтилъ, что если бы Евангеліе не было такою извѣстною книгою, то цензурѣ, конечно, нужно было бы исправить ее. См. Энциклопедический словарь, т. V, слово „Бутурлипъ“.

2) Письма о Россіи. Берлинъ. 1879, г. V.

3) Борясь съ французской реакцией 1827 г., стремившееся стѣснить свободу печати, Ройе-Колларъ писалъ: „въ душѣ реaccionеры думаютъ, что въ великий день творенія была допущена ошибка Прорицаніемъ, даровавшимъ человѣку, въ отличіе отъ другихъ твореній, умъ и свободу; отсюда все зло на землѣ, которое надѣется реакція исправить исправленіемъ неизѣстной щедрости и, упразднивъ нагубный даръ, возвысить человѣчество до счастливой невинности... животныхъ“. См. Bibliothèque populaire, № 145, р. 133.

4) Вся жизнь народа взята подъ опеку правительства, писалъ въ 1859 г. А. М. Уколовскій въ своихъ Соображеніяхъ по докладамъ Редакціонныхъ Комміссій, а потому дѣлъ бездна. Нѣть ни одной мелочи, безусловно довѣренной самому народу. Все дѣлается съ разрушеніемъ высшихъ властей. Народъ не смѣеть панять общими средствами одной подводы, или лачугами для оппозиціи подводной или квартирной повинности, не можетъ поставить промышленного моста, даже не имѣть права панять общаго учителя грамоты. Наконецъ, эта централізація доведена до того, что планы самыхъ незначительныхъ общественныхъ строеній, не стоящихъ вниманія, должны быть представлены на утвержденіе Верховной Власти. При всемъ этомъ исполнительной власти вручены всѣ роды дѣлъ: и хозяйственныя, и полицейскія, и судебнно-следственныя и даже частью судебныя. Всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо имѣеть надъ человѣческою личностью всѣ роды властей и кругъ его дѣйствій ограниченъ только географически... Да же по управлению, при ихъ безчисленномъ множествѣ, являются вездѣ, во всѣхъ исполнительныхъ учрежденіяхъ въ видѣ огромныхъ обозовъ, напол-

онекъ всѣ отрасли государственной, общественной и духовной жизни, бюрократія подчинила все и вся своей мертвящей онекъ, подавивъ всѣкое проявленіе самостоятельныхъ общественныхъ или индивидуальныхъ силъ. Вотъ каково было положеніе этихъ силъ въ дореформенной Россіи, по характеристикѣ М. Н. Каткова: «Наука? Науки не было — была бюрократія. Право собственности? Его не было — была бюрократія. Законъ и судь? Суда не было — была бюрократія. Администрація? Администраціи не было — было постоянно организованное почищеніе власти, съ тѣмъ вмѣстѣ ся бездѣйствіе въ ущербъ интересамъ казеннымъ и частнымъ»¹⁾.

непыхъ бумагой, для разбора которой нужны десятки и даже сотни канцелярскихъ чиновниковъ. Такая правительственная онека надъ всюю жизнью народа невозможна на практикѣ и дѣлается сама причиною беззаконій. Неисполнимые закопы никогда не исполняются и даже само правительство должно списходительно смотрѣть на неисполненіе ихъ. Все это привело къ тому, что дѣла управлениія находятся вовсе не въ тѣхъ рукахъ, которымъ они вѣрены. Большая часть ихъ необходибо должна перейти отъ начальниковъ къ ихъ канцеляріямъ, имѣющимъ возможность казнить и миловать подчиненныхъ и дѣйствующимъ за чужую силою и безъ всякой ответственности... Естественно, что исполнительныя учрежденія наполняются большою частью людьми, отказавшимися отъ своего человѣческаго достоинства и обратившимися государственную службу въ самое постыдное ремесло (стр. 11—15 вып. IX *Голосъ изъ Россіи*).—Городская Дума безъ разрѣшенія губернскаго правлениія не смѣла продать павоза отъ пожарныхъ лошадей стоимостью не болѣе 50 руб. См. Материалы относящи. до новаго общественства въ городахъ Империи. Т. I, стр. 85.—На бумагѣ у настъ существовала централизація, говорить А. А. Головачевъ, а на практикѣ царствовало одно чиновничье самоуправство (см. стр. 149 книги его: *Десять лѣтъ реформъ*).—Характеристику дореформеннаго административнаго произвола см. также у Н. А. Любимова—М. Н. Катковъ". СПб. 1888, гл. I, стр. 182.—Валуевъ писать въ 1856 г.: „Недочѣрчивость и неискренность всегда сопровождаются внутренними противорѣчіями. Управление доведено въ каждой отдельной части до высшей степени централизации, но взаимные связи этихъ частей малочисленны и затѣки. Каждое министерство дѣйствуетъ, по возможности, особнякомъ и ревностно примѣняется къ правиламъ древней системы удѣловъ. Централизація имѣть цѣлью напоможено большее вѣниню вышихъ властей, по благодаря массѣ дѣлъ рѣшеніе ихъ переходить къ канцеляріямъ, и судьба представлений генераль-губернаторовъ весьма нѣредко зависитъ не отъ министровъ, но отъ столонаачальниковъ. (Дума Русскаго, Русс. Стар. 1891, май, 355).

1) См. Катковъ и его время. — С. Невѣдѣнскаго СПб. 188, стр. 419. — Ив. В. Павловъ въ письмахъ къ единомышленнику Каткова Щедрину-Салтыкову, печатавшему въ *Русскомъ Вѣстнике* свои знаменитые „Губерн-

Другой публицистъ, честный, благородный, но не дальновидный И. С. Аксаковъ¹⁾, бросая въ 1884 г. ретроспективный взглядъ на дореформенный режимъ, характеризовалъ его такъ. „Намъ указываютъ, писать оиъ, что образцомъ «крупнаго и сильнаго правительства» (ковычки вездѣ подлинника) служитъ правительство николаевскихъ временъ, и что слѣдовало бы, значитъ, вернуться къ его системѣ, стремившейся упразднить жизнь и духъ великой страны, не въ ней ли заключается корень послѣдующихъ золъ? Всѣмъ намъ, людямъ пожилымъ, памятно знаменитое «тридцатилѣтіе». Фасадъ его былъ дѣйствительно блестящій до такой степени, что онъ и теперь въ поколѣніяхъ позднѣйшихъ вызываетъ иногда ретроспективное удивленіе“.

«Очерки», сравнивая администрацію дореформенного времени съ вариантами призванными княжить и владѣть: „Варяги—это губернаторы, предсѣдатели налать, секретари, становые, полиціймайстеры, однимъ словомъ все администраторы, которыми держится какой ни на есть порядокъ въ великой и обильной землѣ нашей. Это вся наша 14-ти классная бюрократія, это 14-ти главный змѣй побѣдчій, чудо ноганое нашихъ народныхъ сказаний... Всё, что носитъ печать змія, обстоятельствами поставлено во вражду съ народностью и само по себѣ съ нею враждуетъ. Стоять администраторамъ официально признать какое-нибудь народное учрежденіе, такъ оно тотчасъ же опошлится въ глазахъ народа. Главная опора змія — крѣпостное право, въ которомъ законъ освящаетъ эксплоатацію человѣка человѣкомъ, произволъ, насилие и грабежъ.—Всякий варяжскій администраторъ дѣйствуетъ съдовательно по духу закона. Отсюда безсильны всѣ нападки на взяточничество и Калиништова „Ибеда“ и Гоголевъ „Ревизоръ“ и твои „Губернскіе очерки“—увы! Пока по закону существуетъ крѣпостное право, до тѣхъ поръ какъ сплошной твердыни взяточникъ даже и бреши нельзя сдѣлать“. Въ своихъ выступахъ Салтыковъ, между прочимъ, писалъ: „Есть одна штука (она же единственная), которая можетъ истребить взяточничество—поселить правду въ судахъ и вмѣсть съ тѣмъ возвысить народную нравственность—это возведеніе земскою начальствомъ на счетъ бюрократическаго“. (См. На зарѣ крестьянской свободы—*Rus. Стар.* 1897, XI, 233, 236).

Какъ известно, И. С. Аксаковъ въ 80-хъ годахъ, по недоразумѣнію, попался въ одномъ лагерь съ М. Н. Катковымъ, который скитаю въ это то, чему поклонялся за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, выступилъ съ обычномъ отщепенцамъ, рѣзкостью, гонителемъ всего, что хоть отдаленнымъ образомъ напоминало его собственный воззрѣній о необходимости самодѣятельности общества (см. гл. XIII назв. сбор. Невѣдѣмскаго). — Покойный писатель А. А. Градовскій, который, какъ и всѣ, вѣрилъ въ безусловную роту намѣреній честнаго, но близорукаго Аксакова, подгрунивая въ дось надѣ его союзомъ съ недобросовѣстными компаніонами, писалъ, въ то время, какъ Аксаковъ, подобно звѣздочету, будеть смотрѣть въ его ловкие союзники вытащать у него изъ кармана платокъ.

шie. Но не даромъ же и сказано было про Россію, что она—страна фасадовъ и парадовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Россія стояла, повидимому, на верху славы и могущества; казалось — «передъ ея державнымъ блескомъ народы молча клонили взоръ», мы несли на себѣ *оберъ-полиціймейстерство* чуть не въ цѣлой Европѣ, великолѣпно оплачивая дорогостоящую должность русскими деньгами, силами, интересами и даже кровью: когда же вопреки нашей полиції, Австрія очутилась на краю пропасти, мы сочли долгомъ спасти ее, такъ таки возвѣстивъ миру съ гордостью, нѣсколько простосердечно, что «разумѣйте языны и покоряйтесь, яко съ нами Богъ».

«Въ самой же Россіи, продолжаетъ Аксаковъ, по части политики внутренней, фасадъ былъ не менѣе пышный: спаужи—припомнимъ— все чинно, прочно и стройно; порядокъ — на диво; дисциплина — на славу; законовъ—пятнадцатитомная благодать; правительство не только крѣпкое и мощное, но, казалось, проинкутое единствомъ системы и духа во всѣхъ своихъ органахъ, отъ петербургскаго центра до послѣдняго Держиморды въ захолустномъ городишкѣ; правительство грозное, вседержащее, тысячеокое, тысячерукое, *вездѣсущее* (курс. под.), о которомъ ужъ никакъ не приходилось сказать, что оно вѣтъ отлучкѣ—тѣмъ менѣе было нужды возвѣщать подданнымъ впередъ обѣя его появлениіи, призывая громкимъ крикомъ «*вставайтѣ!..*» (намекъ на Каткова) правительство-де идетъ, правительство возвращается! !). Чего ужъ тутъ было вставать! *Россія и безъ того стояла на выѣ* тяжкихъ «во фруить», двигаясь словно по струнѣ и па неумолчные грозные окрики команды неумолично же, испуганно рапортовала: «все обстоитъ благополучно...». Вирочемъ сама эта Россія—вся, съ Русскою землею и народомъ — представлялась въ понятіяхъ правительства какою то обширною *командою*, да такъ и называлась — командою, довести которую до полной «неправности» или до солдатской выправки духовной и вѣшней и составляло его *запѣтнѣйшую мечту*. Да и мало-ли о чёмъ тогда мечталось! Мечталось и обѣ единобразіи архитектуры по всей имперіи, и обѣ единобразіи покрова платья и причесокъ, съ укрошенiemъ *своеволія* (к. п.) модъ, даже и о цензурѣ Священнаго Писанія!.. Нельзя ужъ было пожаловаться на претворѣчія, нельзя было обвинять въ распущенности управлениe учеб-

1) Эта фраза была сказана Катковымъ въ 1884 г. въ періодъ, когда онъ, какъ говорилъ Невѣдѣнскій, сталъ „представителемъ“ старого порядка, въ которомъ онъ когда-то видѣлъ темную силу и *несчастіе Россіи*“ (см. 356).

ными заведеніями: воспитаніе учреждалось, новидимому, желѣзною энергиєю; философія — по боку; верховная власть объявлена была (даже официально) «верховною совѣстю» (sic), т. е. начальству, имѣвшимъ упразднить личную, подвижную человѣческую совѣсть... ¹⁾). Въ предѣлахъ таковыхъ ионятій насаждалось, съ крутымъ усердіемъ, и самое иправославіе. Но подъ стройною наружною мощью таилась слабость, гниль засыхала гниль. Что, чѣмъ была въ это время Россія:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!..

Въ это самое время Россія задыхалась отъ духоты, отъ недостатка простора для мысли и души въ своемъ пространномъ царствѣ. Чублично слышалось лишь молчаніе, но неслышно шептались въ университетахъ и обществѣ смѣлыя и подчасъ извращенные думы. Снули умы, но не задавили мысль, и она пошла, пошла себѣ бродить поднольными, тайными путями, озлобляясь и искривляясь, восполняя свою скучность и незрѣлость лживою обольстительностью запретнаго плода ²⁾.

Характеристикъ дoreформеннаго строя посвятили въ своей, надѣлавшей много шума, знаменитой *Думѣ Русскаго*, курляндскій губернаторъ П. А. Валуевъ, призванный впослѣдствіи обновить этотъ строй, слѣдующія замѣчательныя строки:

1) О возведеніи въ принципъ безпрекословного исполненія желаній начальства вопреки убѣждению, см. разсужденія гр. Панина, выше въ примѣч. главы I, § 1.

2) См. собр. соч. Аксакова т. V, 163 и слѣд.—М. Н. Катковъ, покуда еще не находившися въ лагерѣ враговъ реформъ, «которые, по собственному его опредѣленію, не могутъ не быть врагами своего народа» (Моск. Вѣд. 1967 г., № 51), также держался того убѣжденія, что революціонное движение въ Россіи вызвано не реформами 60-хъ, а предшествовавшему имъ эпохой гоненія мысли. «Всѣ эти лжеученія, всѣ эти дурные направления, писалъ Катковъ въ 1866 г. посты окончанія работы Муравьевской следственной комиссіи, родились и пріобрѣли силу посреди общества, не знаящаго ни науки свободной, уважаемой и сильной, ни публичности въ дѣлахъ, касающихся самыхъ дорогихъ для него интересовъ, посреди общества, находившагося подъ цензурою и полицейскимъ надзоромъ во всѣхъ сферахъ своей жизни. Всѣ эти лжеученія и дурные направления, на которыхъ ссылаются теперь жалобы, суть плодъ мысли подавленной, неразвитой, рабской въ своихъ темныхъ трущобахъ». (Моск. Вѣд. 1866, № 205).

«Благопріятствуетъ ли развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее (1855 г.) устройство разныхъ отраслей нашего государственного управления, спрашиваетъ авторъ *Думы* и отвѣтаетъ: отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины, въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую *офиціальную ложь*. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное: вездѣ приобрѣтены успѣхи; вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды,—и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодоносная польза. *Сверху блескъ; снизу гниль.* Въ твореніяхъ нашего офиціального многословія нѣтъ места для истины. Она затаена между строками; но кто изъ офиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія?

«У насть самый законъ, продолжаетъ благонамѣренный критикъ, нерѣдко заклейменъ неискренностью. Мало озабочиваясь опредѣлительною ясностью выраженій и практическою примѣнимостью правилъ, онъ смѣло и сознательно требуетъ невозможнаго. Онъ всюду предписываетъ истину и всюду предопредѣляетъ успѣхъ, но не пролагаетъ къ нимъ пути и *не обезпечиваетъ* исполненія своихъ собственныхъ требованій. Кто изъ нашихъ начальниковъ, или даже изъ подчиненныхъ, можетъ точно и послѣдовательно исполнить все, что ему вмѣнено въ обязанность дѣйствующими постановлѣніями? Для чего же вмѣняется въ обязанность невозможное? Для того, чтобы, въ случаѣ надобности, было, на кого обратить отвѣтственность.

«Всѣ изобрѣтенія внутренней правительственной недовѣрчивости, продолжаетъ Вадуевъ, вся централизація и формалистика управліенія, всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора и взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ, *ежедневно обнаруживають свое бессилие*. Канцелярскія формы не предупредили по зорной растраты суммъ инвалиднаго капитала и не помѣшили истребить голодомъ, или послѣдствіями голода, половину резервной бригады, расположенной въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Это послѣднее преступленіе или, точнѣе, длинный рядъ гнуснѣйшихъ преступленій даже остается доселъ *безнаказаннымъ*. Между тѣмъ, возрастающая механизация дѣлопроизводства болѣе и болѣе затрудняетъ

приобрѣтие успѣховъ по разнымъ отраслямъ государственного управления. Всѣ правительственные инстанціи уже нынѣ болѣе заняты другъ другомъ, чѣмъ сущностью предметовъ ихъ вѣдомства. Высшія едва успѣваютъ наблюдать за виѣшию правильностью дѣйствій низшихъ инстанцій; низшія почти исключительно озабочены удовлетворенiemъ виѣшией взыскательности высшихъ. *Самостоятельность мѣстныхъ начальствъ* до крайности ограничена, а высшіе начальники, кажется, забываютъ, что довѣріе къ подчиненнымъ и вниманіе,оказываемое имъ взгляду на дѣло, суть также награды, хотя о нихъ не вносится срочныхъ представлений въ комитетъ гг. министровъ¹).

Вотъ что такое была дореформенная бюрократическая, чиновничья система, измѣненіе коей стало, съ первыхъ же лѣтъ царствованія Александра II, вопросомъ дня. До какой степени въ то время реакція противъ чиновничьяго полновластья проникала въ самые умѣренные круги, могутъ дать понятіе слѣдующія сильныя строки изъ дневника цензора Никитенко: «Русскій чиновникъ—ужасная личность; что будетъ впереди еще неизвѣстно, а до сихъ поръ онъ былъ естественный злѣйший врагъ народнаго благосостоянія». Валуевъ съ своей стороны отмѣчалъ, что «озлобленіе противъ порядковъ (до 1855 г.) беспредѣльное и всеобщее»²). Въ виду такого настроенія полное

1) Russk. Старина 1891, V, 340. Тотъ же Валуевъ писалъ: наша официальная формалистика похожа на извѣстный *surprise-atrappes*, который состоитъ изъ множества коробочекъ, вкладываемыхъ одна въ другую. Раскрываешь коробочку—другая коробочка, раскрываешь эту—третья, потомъ четвертая, потомъ пятая и такъ далѣе и все меньше и меньше. Наконецъ, подѣльня—и въ ней ничего. (Тамъ же, 341).

2) Велик. кн. Константиппъ Николаевичъ издалъ извѣстный приказъ въ духѣ «Луны» Валуева (см. дальше), спачала было переполошившій бюрократію. Но она скоро опомнилась, и одинъ изъ представителей ея баронъ Мейендорфъ писалъ: приказъ—parle de vol, de mensonges etc., mais de meurera sans suites facheuses. („говорить о кражѣ, о лжи, но не будеть быть прискорбныхъ (для кого?) послѣдствій“ (стр. 345 въ Russk. Стар. 1891, май, 354—355).

2) См. Дневникъ II, 276.—Валуевъ спачала въ Дневникѣ своемъ смотрѣть пессимистически на будущность Россіи: „Госка невыразимая, напѣть она въ октябрѣ 1855 г., умъ и сердце ждутъ чего-то, но дни проходить за днами и чего-то по прежнему нѣтъ... У насъ правительство не замѣчаетъ, что оно стѣмѣло отучить насъ даже отъ надежды. Всѣ русскіе сознаются въ томъ, что у насъ все могло бы быть лучше. Но никто не вѣритъ въ болѣтность этого лучшаго; ждали, ждали и словно машипули рукою всѣ разомъ и начальники, и ихъ разномундирная рать, и весь православный

упразднение подавляющей административной опеки стало въ концѣ 50-хъ годовъ, подъ неотразимымъ давлениемъ общественного мнѣнія и его важнѣйшей представительницы—печати, неотложною задачею правительственной программы, которая, начинаясь освобожденiemъ крестьянъ, должна была завершиться уничтоженiemъ бюрократической централизаціи и установлениемъ *самоуправління* общественного, свободы слова и независимаго суда.

Съ изданіемъ Положенія о крестьянахъ, установившаго крестьянское самоуправленіе какъ въ сельскомъ, такъ и волостномъ обществѣ, предчувствовалась неизбѣжность мѣстного самоуправлениія для всего русскаго общества, для всего народонаселенія. Обширный, хорошо обработанный планъ преобразованія мѣстныхъ учрежденій на началахъ безсословнаго самоуправлениія былъ представленъ, напр., тверскимъ губернскимъ комитетомъ (см. главу II § 3)¹⁾. Въ правительственный рядахъ были люди, какъ напр., Н. А. Милютинъ, способные сть должною энергию и послѣдовательностью провести реформы для всестороннаго обновленія всего государственного управлениія въ духѣ только что народившайся свободы и самоуправлениія.

Въ то время, когда прогрессивная часть общества и печати переживая весною 61-го года минуты идиллическаго упоенія медовымъ мѣсяцемъ свободы²⁾, съ петерпѣніемъ ждала установленія новой системы управлениія, произошла реакція.

народъ. Если теперь кто-нибудь скажетъ, что современный урокъ для насъ не останется безполезнымъ, то большинство отвѣтъ, что пользы по прежнему будетъ на мѣдный грошъ... Припоминали, что и въ 1812 году ожидали великой науки, но не дождались (стр. 341—342). Вногодѣствіи однако Валуевъ отмѣщаетъ перемѣну въ настроеніи (стр. 343 и слѣд. Р. С. 1891, V).

1) Ближайшій сотрудникъ А. М. Унковскаго по Тверскому Комитету (см. главу II) А. А. Головачевъ въ своемъ извѣстномъ труде „Десять эѣтъ реформъ“, ставить въ вину Редакц. Комиссіи, что она сдѣлала крестьянскую реформу сословною и отдѣлила ее отъ вопроса объ общихъ реформахъ по всему государственному управлению, вопреки проекту Тверскаго Комитета (см. тамъ же). Объясняетъ г. Головачевъ эту ошибку частью отсутствіемъ зарапѣи обдуманнаго плана при постановкѣ крестьянского вопроса, который спачала фигурировалъ въ видѣ „улучшенія быта крестьянъ“, частью тѣмъ, что члены Редакц. Комиссіи не всегда были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ (стр. 162—163).

— Учрежденіе крестьянского самоуправлениія имѣло, по словамъ Безобра-
зова, громадное нравственное значеніе для всѣхъ сословий, всего народона-
селенія. См. стр. 271 книги его Государство и Общество. СПб. 1881 года.

2) «Въ первое время послѣ обнародованія Манифеста, писаль 7-го маѣ 1861 г. кн. В. А. Черкасскій П. А. Милютину, общество, литература, адми-

Че прошло и мѣсяца послѣ обнародования манифеста о волѣ, когда друзья свободы въ великолѣбномъ увлечениі собирались все «забыть и все простить»¹⁾ поверженнымъ въ прахъ врагамъ народной свободы, лишь бы они уѣровали въ свободу, въ воскресеніе народа; — какъ эти враги уже стояли на ногахъ.

II.

Побѣда реакціонной партіи была совершившимся фактомъ уже въ половинѣ апраля 1861 г. Первыми жертвами ея пали мин. внутр. дѣлъ С. С. Ланской, не пережившій постигшей его неожиданной и крутой перемѣны, и временный (или какъ въ видѣ пропаи называли временно-постоянныій) товарищъ министра²⁾, главный двигатель крестьянской реформы, «кузнецъ-гражданинъ» И. А. Милютина. Реакція дѣйствовала такъ ловко, и ударъ подготовлялся такъ таинственно и искусно, что даже для такихъ высокопоставленныхъ друзей свободы, какъ великая княгиня Елена Павловна, онъ былъ совершеннымъ сюрпризомъ³⁾. Самая посѣщенность увольненія Ланского и Милютина,— причемъ нарушены были не только относительно Милютина, котораго третировали за краснаго яраго революціонера⁴⁾, и потому не церемоніа—всѣ пребывали въ идилии. Я не могу передать, какъ мнѣ противно было такое настроеніе, которое таѣло мало согласовалось съ дѣйствительностью; теперь начинается противоположное направленіе». См. и. с. Лероа-Болье, стр. 83.

¹⁾ Все забыто, все прощено, писалъ В. П. Безобразовъ, тотчасъ по обнародованіи Манифеста 19-го февраля всѣмъ, кто уѣргаетъ въ воскресеніе, что быстро встанетъ и пойдетъ къ обновленію. См. и. с. его, стр. 273.

²⁾ И. А. Милютинъ имѣлъ репутацію „революціонера“ въ придворныхъ сferахъ, и вслѣдствіе этого въ теченіе трехъ лѣтъ, до самой отставки своей, состоялъ „временнымъ“ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. См. и. с. Лероа-Болье, стр. 34.

³⁾ 29-го апраля 1861 г., т.-е. двѣ недѣли спустя послѣ отставки Милютина, вел. кн. Елена Павловна, не зная объ ней, писала Милютину: „Если вы будете наединѣ съ Государемъ и онъ заведетъ съ вами рѣчь о дворянства, вамъ слѣдуетъ сказать, что вы не противъ дворянства, но что вы оторочены тѣмъ, какъ мало ваша каста соответствуетъ своему назначению“. См. и. с. Лероа-Болье, стр. 172.

⁴⁾ Репутацію „краснаго“ стяжалъ Милютинъ еще въ 1846 году за составленіе проекта учрежденія въ столицахъ городскаго самоуправленія, но

мочились съ нимъ, но и относительно престарѣлого заслуженнаго са-
новника С. С. Ланского, даже общепринятыхъ правила офиціального
этикета ¹), — свидѣтельствовала о необыкновенной стремительности на-
тиска, сдѣланнаго испугавшейся призрака предстоящаго разоренія
придворно-крѣпостническою камарильею, требовавшей немедленнаго
усѣкновенія главы враждебной «революціонной гидры» ²).

Въ чемъ былъ смыслъ этой «близорукой и безъидейной реакціи»,
какъ ее называлъ Милютинъ ³)? Другой дѣятель крестьянской реформы
ки. В. А. Черкасскій опредѣлялъ наступившее новое настроеніе такъ:
„послѣ весенней оттенки намъ предстоитъ вернуться не къ суровой
зимѣ, а къ скучной и грязной слякоти” ⁴). И никому бы не пожелалъ
изъ тѣхъ, кого люблю, писать кн. Черкасскій, управлять въ на-
стоящее время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: масса хлопотъ,
страшная отвѣтственность, шансы сломать себѣ шею безъ надежды
сдѣлать себѣ имя».

Но въ чемъ другомъ, а въ самонадѣянности никогда не было недо-
статка у бюрократіи, которая, въ отличие отъ Архимеда, даже безъ
рычага и точки опоры всегда считала себя въ силахъ, если не под-
нять нашу планету, то «урегулировать» однимъ взмахомъ нера, въ
силу присущаго ей всевѣдѣнія, всѣ самомалѣйшия и разнообразныя

она особенно утвердилась за нимъ ювѣ 1856 г. по поводу столкновенія
с.-петербургской думы съ ген.-туб. Игнатьевымъ. Предъ назначениемъ Ми-
лютина товарищемъ министра Александру II говорилъ Ланскому: „онъ счи-
тается опаснымъ, во всякомъ случаѣ онъ заставляетъ о себѣ много гово-
рить”. См. и. с. Лероа-Больѣ, стр. 23, 26.

1) С. С. Ланской и П. А. Милютинъ были уволены безъ прошенія.
„Меня выпроводили, сдѣлавши сенаторомъ”, писалъ онъ 4-го мая 1861 г. кн.
Черкасскому. См. и. с. Лероа-Больѣ, стр. 76, 86, 75.

2) Помѣщики приходили въ ужасъ, опасаясь въ будущемъ своего разо-
рения, и для ихъ успокоенія бытъ назначенъ П. А. Валуевъ, свободный отъ
подозрѣнія во враждѣ къ дворянству. См. и. с. Лероа-Больѣ, стр. 72.—
Страхъ и угнетеніе господствуютъ всюду, писалъ кн. Черкасскій въ маѣ
1861 г. изъ Тулы Милютину. Тамъ же, 85. Реакція объясняется, писалъ
19 мая 1861 г. Самаринъ Милютину, непривычкою вышедшей среди къ про-
должительному напряженію ума и воли. Л. Больѣ, 87.

3) Государь искренно желаетъ, писалъ Милютинъ кн. Черкасскому 4-го
мая 1861 г., добросовѣстного примѣненія крестьянской реформы; другіе
разсчитывали передѣлать по своему. Замышляютъ на первый разъ стѣсненіе
университета. Однимъ словомъ, камарилья хочетъ конопатить всѣ скважины
Зимнаго дворца. Л. Больѣ, 76. *Біограф. Словарь* видитъ въ назначеніи Валу-
ева — опредѣленное политическое значеніе, какъ уступку дворянству (стр. 561).

4) Лероа-Больѣ, 80.

проявлений русской общественной жизни. преемникъ С. С. Ланского Валуевъ, принадлежать къ новой полированной, мягко-стелющей бюрократической генерации, не столь нравственной, какъ старая (при Мѣрѣ—предшественникъ Ланского, гр. Черовскій), но не менѣе близорукой, нетерпимой, самодовольной и самонадѣянной, чѣмъ старая¹⁾.

Блестящий изворотливый энциклопедистъ бомонда, неистощимый болтотиѣсть, съ безукоризненными манерами, прекрасно владѣющій «фразою», не лишеннаю порою никакнаго сарказма, мастеръ въ самомъ обворожительно-легкомъ тонѣ вести *causerie* салонную — *de omnire scibile et quibusdam aliis*, умѣющій

Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale... .

таковъ былъ новый даровитый министръ, будущій авторъ *Лорина*, получивший въ аристократическихъ салонахъ Петербурга репутацію не только тонкаго государственного человѣка, призваннаго сочетать свободу и порядокъ, но и необычайно хитрого, гибкаго политика, ловкаго дѣльца,

1) См. о Черовскомъ у Лероа-Болье (стр. 14).—Дневникъ Валуева даетъ цѣнныи матеріаъ для характеристики личности автора. Талантливая натура, тщеславіе, безхарактерность, хорошия либеральные слова, безъ сочувственныхъ поступковъ — таковы преобладающія черты. Онъ хорошо понималъ недостатки старыхъ порядковъ, но не умѣлъ отъ нихъ отрѣшиваться, частью благодаря средѣ, частью по своей винѣ. Для истинной жизни великихъ государствъ, писалъ онъ въ 1855 г., нужны нравственные начала, которыя могли бы служить основаниемъ государственныхъ дѣяний. Гдѣ и что ваше основное государственное начало? Покорность? Кажется, нужно что нибудь и еще. (Русс. Стар. 1891, V, 345). Въ другомъ мѣстѣ онъ, между прочимъ, указываетъ такія начала: „начало нравственного достоинства въ лѣтствіяхъ вышихъ нравственныхъ властей, сопряженное съ началомъ уваженій къ человѣческой личности“. Пора усмотрѣть, говорить онъ далѣе, „что искусство быть ненавидимымъ не составляетъ великихъ мужей, что самодовольное управление не замѣняетъ дарованій и что давить не значитъ достигать успѣха“. (Тамъ же, 541). Если взять факты, приводимые только однимъ Никитенко (см. гл. VII), то они окажутся въполномъ противорѣчіи съ означенными принципами. Да и факты, приводимые самимъ Валуевымъ (см. ниже прим. 3), тоже свидѣтельствуютъ, объ его безхарактерности.— Салтыковъ сильно настаивалъ на отдѣленіи истинныхъ либераловъ отъ либеральныхъ соловьевъ, пѣвихъ временно, вслѣдствіе засоренія журнала, либеральная «Фіоритуры», а про себя думавшихъ: «ахъ! какъ-бы я тебя жамкнулъ, если-бы только умѣлъ». (Сочин. II, 12, 15). Къ такому типу принадлежитъ и двуличный Валуевъ.

словомъ, мага и чародѣя ¹⁾), способнаго объять необъятное, примирить всѣ интересы, всѣхъ обворожить и сдѣлать довольными.

Мода на цѣльныхъ людей съ твердыми *убѣжденіями*, съ рациональными программами прошла ²⁾ и явился запросъ на ловкихъ «практиковъ», на эмпириковъ, призванныхъ къ компромиссамъ, къ смягченію односторонности, къ умиротворенію по рецепту: „съ одной стороны нельзя не признаться... по съ другой...“ и пр. Двусмысленная роль П. А. Валуева при составленіи Положенія о крестьянахъ ³⁾ дѣлала его какъ-разъ подходящимъ къ новому настроенію и направлению фѣлъ. Валуевъ, по словамъ Милютина, формулировалъ свою программу слѣдующимъ образомъ: *„точное и буквальное исполнение Положения о крестьянахъ, но въ духѣ примирительномъ“* ⁴⁾). Валуевъ сдержалъ свое обѣщаніе. Онъ дѣйствовалъ *«мягко и уклончиво»* ⁵⁾; при немъ,

1) Какъ велика была авторитетъ его въ высшихъ петербургскихъ кругахъ въ концѣ 50-хъ годовъ, можно судить по тому, что обѣ части имѣть его у себя главою или сотрудникомъ спорили два министерства (финансовъ и госуд. имущ.) и Комитетъ министровъ (см. Дневникъ его, Русс. Стар. 1891, № 11, стр. 421). Гр. Строгановъ, встрѣтивъ Валуева на балу въ концѣ 1861, говоритъ: *on vous use, mais on n'use pas de vous.* (Васъ истощаютъ, но не пользуются вами). См. тамъ же, 418.

2) Л. Болье, 78.

3) Въ ноябрѣ 1861 г. крѣпостникъ Муравьевъ, при которомъ служилъ Валуевъ, возложилъ па него порученіе, которому онъ не могъ сочувствовать. „Я получилъ приказаніе, написать онъ 6-го ноября (по самымъ *шаткимъ основаніямъ*) пересоставить цѣлую главу“ (о надѣлахъ). „Мое положеніе нестерпимо, писалъ онъ 7-го ноября. Я закабаленъ служить. А между тѣмъ быть на службѣ покорнымъ орудіемъ кн. Долгорукова и ген. Муравьева—ужасная доля. Если бы я не несъ ея ради другихъ (?), то, конечно, надѣль бы кафтанъ артельщика съ большими удовольствіемъ и достоинствомъ, чѣмъ пыгѣ стать секретарскій мундиръ“ (Р. Ст. 1891, № 11, стр. 414)... А все таки противное убѣжденіе порученіе Муравьева было исполнено Валуевымъ, съ исполнительностью образцового чиновника, при помощи „спаскъ“, „параллелограмма силъ и диагоналей“, или по-просту болѣе или менѣе искуснаго напусканія тумана. Мало того. Удачное исполненіе пелестнаго порученія начальства даже доставило Валуеву минуту авторскаго пасажденія. (Тамъ же, 415).

4) Л. Болье, 78. Правительство само не выяснило себѣ своихъ видовъ, говорили въ это время Валуевъ. (Никитенко, см. Дневникъ его, II, 290).

5) См. письмо Милютина отъ маѣ 1861, стр. 77, Леро-Болье. Валуевъ обѣщалъ мнѣ, написать онъ, поддержать Соловьеву. Я. А. Соловьевъ, директоръ земскаго отдѣла, извѣстный дѣятель при крестьянской реформѣ, былъ уволенъ однако въ 1863 г.

Несмотря на усилия реакции¹⁾, Положение о крестьянахъ не было утверждено, но искусно обойдено. Буква Положений о крестьянахъ не была нарушена, но зато Валуевъ открылъ новую эру постепенного угасания духа и смысла законовъ²⁾, обратившуюся въ систему³⁾: та система постепенной отмены закона въ административномъ порядке, путемъ министерскихъ ширкуляровъ, должна была въ конецъ расшатать и безъ того столь непрочный у насъ правовой порядокъ и целю законности.

Появление П. А. Валуева въ роли руководителя внутренней политики должно было имѣть непосредственное и крайне вредное влияніе, помимо крестьянского дѣла, и на земскую реформу. Усматривая между ними неразрывную связь⁴⁾, П. А. Милютинъ вслѣдъ за изданиемъ Положения приступилъ къ работамъ по преобразованію мѣстныхъ учрежденій на началахъ самоуправленія. Уже черезъ три дня послѣ подписанія манифеста 19 февраля въ письмѣ своемъ отъ 22 февраля 1861 г.⁵⁾— въ ответъ на запросъ великаго князя Константина Николаевича — писалъ А. В. Головину Милютину о проектированныхъ, состоявшемъ подъ его предсѣдательствомъ особою комиссіею, земскихъ учрежденіяхъ. Со вступлениемъ въ должность П. А. Валуевъ самъ принялъ предсѣдательство въ этой комиссіи. Несмотря на то, что въ составѣ комиссіи⁶⁾ были многіе весьма замѣчательные люди, показавшіе не-

1) Погоняливаются, писать 6-го мая 1861 г. Милютина Самарину, о пересмотрѣ Положенія и съ этою цѣлью задержано составленіе уставныхъ грамотъ. Л. Больѣ, 78.

2) См. статью Кавелина „Крестьянскій вопросъ“ въ Вѣст. Европы 1868, № 9.

3) Л. Больѣ, 55.

4) Тамъ же, 69.

5) Тамъ же, 68. Если бы я превозмогъ свое огвращеніе къ наимѣтъ такъ называемой политической дѣятельности, писать изъ Рима Милютинъ брату своему Д. А. (нынѣ графу) Милютину 11-го декабря 1861 г., то развѣ только затѣмъ, чтобы принять участіе въ реформахъ, о которыхъ я всегда мечталъ. Л. Больѣ, 119.

6) Въ составѣ комиссіи входили: А. Г. Тройницкій, В. А. Татариновъ, С. Р. Ждановъ, К. К. Гротъ, гр. Д. Н. (?) Толстой, А. Д. Шумахеръ, С. И. Зарудный, К. А. Кржижановскій, гр. А. А. Бобрицкій, Я. А. Солоньевъ, Е. В. Челканть, Н. Н. Колесовъ, А. К. Жуковскій, В. П. Владимировъ, К. Гирсь, Н. И. Стояновскій, А. Н. Меркуловъ, П. Н. Даневскій, Н. Марченко, Н. И. Второвъ, Л. Н. Черновскій, М. И. Погожевъ, Н. И. Гедеоновъ, М. А. Кучевскій, П. С. Лебедевъ, М. Н. Островскій и Н. Сущевъ.—Этотъ списокъ напечатанъ въ н. Исторической Запискѣ,

дюжинныя способности при проведениі другихъ реформъ¹⁾, на рабо-
тахъ Валуевской комиссіи лежитъ отпечатокъ робости и нерѣшитель-
ности, что слѣдуетъ, разумѣется, приписать, главнымъ образомъ,
преобладающему вліянію предсѣдателя, а не одному только тревожному
настроенію, которое замѣчалось въ первое время послѣ освобожденія
крестьянъ, въ періодъ бурныхъ засѣданій дворянскихъ собраний 62—
63 гг.²⁾. Что возбужденіе состояніе общества не было въ данномъ
случаѣ неодолимымъ препятствіемъ, тому доказательство судебная ре-
форма, подготавливавшая одновременно съ земскою и въ отличіе отъ
послѣдней получившая тотъ рапоптальный и либеральный характеръ,
который вызываетъ справедливое удивленіе иностранныхъ публици-
стовъ, именно со стороны ея принципіальной выдержанности, спо-
собствовавшей и ея успѣху³⁾. Именно такой выдержанности и не
хватало у проекта Валуевской комиссіи, который представлялся пал-
ліативною попыткою сочетанія противоположныхъ началъ самоуправле-
нія и бюрократического всевластія, сословности и безголосовности.

Нуженъ былъ широкій взглядъ просвѣщенаго государственнаго
человѣка, чтобы облегчить трудныя условія «политического воспита-
нія», созданныя для народа освободительнымъ манифестомъ, и уразу-
мѣть истинный смыслъ событій, сопровождавшихъ объявление «воли»,
въ общемъ совершившагося съ изумительной быстротою и успѣхомъ⁴⁾:
Если тамъ и сямъ для обучения новаго «школьника» приходилось
прибѣгать къ содѣйствію военной силы, то ясно было, что мотивами
къ «буль на колѣняхъ» было не упорство самоувѣреннаго своеволія
и неуваженія къ власти, а завѣщанное добрымъ старымъ временемъ
круглое невѣжество и безграмотность народа, не могшаго уяснить себѣ
сущность дарованной «воли»⁵⁾ и питавшаго понятное недовѣріе къ
своимъ господамъ и къ мѣстнымъ властямъ, а потому склоннаго, по

но въ имѣющихъ у меня подлинныхъ журналахъ Комиссіи имѣется гораздо
меньше подписей, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что составъ Комиссіи
мѣнялся.

¹⁾ О выдающейся роли члена этой Комиссіи въ судебной реформѣ см. въ
книгѣ моей: „С. И. Зарудный и судебная реформа“. М. 1887.

²⁾ Л. Больє 83.

³⁾ Leroy-Beaulieu—L'empire des Tzars. t. II, 291.

⁴⁾ Л. Больє, Un homme etc. 87.

⁵⁾ См. гл. I, § 2, объ обнародованіи Манифеста.

извительнику замѣчашю Ю. Ф. Самарина, „въ призывѣ войска видѣть единственную гарантію подлинности Высочайшей воли»¹⁾.

Въ большинствѣ же случаевъ происходило спокойное, но рѣши-тельное гражданское перерожденіе народа, впервые получившаго со-знаніе о своихъ правахъ, о своей «правоспособности»²⁾. Уравненіе передъ закономъ, уничтоженіе сословныхъ перегородокъ—таковы были требования минуты, ясно сознаваемыя дѣятелями крестьянской реформы, но не такова была программа реакціонной партіи, дававшей тонъ по-литикѣ и стоявшей за сохраненіе и усиленіе если не прямое, то косвенное дворянскихъ привилегій. Эта программа была усвоена и П. А. Валуевымъ.

Такою именно неискренностью и половинчатостью было отмѣчено отношеніе новаго министерства къ «свободнымъ стремлѣніямъ», къ на-чалу земскаго самоуправленія. Н. А. Милютинъ, слѣдившій въ 1861 г. изъ Рима по письмамъ Кавелина за начавшимися студенческими без-порядками и съ горечью замѣчавшій промахи, управлявшаго въ от-сутствіе Государя, Верховнаго Совѣта³⁾, съ грустью отмѣчалъ отсут-ствіе у тогдашняго растерявшагося правительства способности „осу-ществить послѣдовательную *rationальную* программу, будь она со-ставлена хотя бы семью мудрецами и изложена на четвертушкѣ бу-маги“⁴⁾. Съ своей стороны П. А. Милютинъ полагалъ, «что въ Рос-

¹⁾ См. письмо Самарина къ Милютину въ томѣ I, стр. 424 и. с. *L'empire des Tzars*. — Помѣщики стали разочаровываться, узнавая, какъ мало отвѣтить имъ народъ (и. с. Лероа-Болье, 84).

²⁾ Болье—*Un homme etc.*, 89.

Никогда, писалъ проф. Кавелинъ 27 октября 1861 г. Милютину, но по-закрытия С.-Петербургскаго университета, администрація не показы-вала большаго непониманія дѣлъ и трусости. См. и. с. Лероа-Болье, 116.

³⁾ Л. Болье, 119. Въ 1862 году Ю. Ф. Самаринъ писалъ: «Прежняя вѣра въ себѣя, которая, при всемъ неразуміи, возмѣщала энергию, утрачена без-разуміемъ, но жизнь не создала ничего, чѣмъ можно было бы замѣнить ее. Вершишій законодательный судъ въ связи съ неизѣроятными и безизѣроятными отсутствіемъ дарованій; со стороны общества—дряблость, хрони-ческій лѣпнъ, съ желаніемъ, день-ото-дня болѣе явнымъ, дразнить власть. Извѣстно, какъ и двѣсти лѣтъ тому назадъ во всей русской землѣ существуетъ двѣ силы: личная власть наверху и сельская община на противо-вѣкѣ концѣ, но эти двѣ силы, вместо того, чтобы соединиться, отдѣ-ляются промежуточными слоями. Эта неизѣпала среда, лишенная всѣхъ корней и родѣ и въ продолженіе вѣковъ хватавшаяся за вершину, начинаетъ съѣздѣться и дерзко становиться на дыбы противъ своей собственной опоры (губернскія собранія, университеты, печать). Ея крикливый голосъ только

сін во сто разъ легче, чѣмъ гдѣ либо, привлечь правительству на свою сторону серьезную часть общества: для этого необходимо дѣлать своевременно потребныя уступки, но дѣлать *откровенно*, *съ обстоянствомъ*; безъ убийственныхъ апологій (старого?) и *безъ канцелярскихъ уловокъ*¹⁾.

Какъ разъ на такія искреннія уступки и прямодушныя дѣйствія це способенъ былъ двуличный П. А. Валуевъ, на словахъ стоявшій за законъ и самоуправлѣніе, а на дѣлѣ горячо охранявший произволъ бюрократіи и способный, по мѣткой характеристикѣ великой княгини Елены Павловны, *наговорить „много, но сдѣлать не многое“*²). Не будучи самъ убѣжденнымъ сторонникомъ земскаго самоуправлѣнія, онъ подавно не въ состояніи былъ выполнить, возлагавшейся на него надежды, разсѣять существовавшія «у высшей власти предубѣжденія противъ слова земство»³). Будучи завзятымъ бюрократомъ, П. А. Валуевъ былъ способенъ дать не настоящее самоуправлѣніе, а лишь блѣдное подобіе его, *quelque chose*⁴), и какъ только рѣчь заходила въ Государственномъ Совѣтѣ о предоставлениі земству настоящей власти (право избрания мировыхъ судей было дано земству судебными уставами 20го ноября 1864г.), Валуевъ былъ тутъ какъ тутъ и, въ мелодраматической позѣ спасителя отечества, произносилъ страшныя слова въ родѣ «государство въ государствѣ» и т. п.⁵). Съ подною наглядностью сказалось такое отношеніе къ дѣлу во всеподданѣйшемъ докладѣ Валуева отъ 22-го марта 1862г., который лежитъ въ основаніе проекта земскаго Положенія 1863г. и который гораздо болыше распространяется о *„сохраненіи и огражденіи“* правъ бюро-

нарасло пугаетъ власть и раздражаетъ толпу (?). Власть отступаетъ, дѣлаетъ уступку за уступкой, безъ всякой пользы для общества, которое дразнить его изъ за удовольствія (?) дразнить. Но это долго продолжаться не можетъ, иначе нельзя будетъ избѣжать сближенія двухъ оконечностей—самодержавной власти и простонародья—сближенія, при которомъ все, что въ промежуткѣ, будетъ раздавлено и смято, а то, что въ промежуткѣ,—обнимаетъ всю грамотную Россію, всю нашу гражданственность. Хорошее будущее,ничего сказать! (Біогр. Слов. см. Александръ П. 565).

¹⁾ Тамъ же, 118

²⁾ См. письмо вел. кн. Елены Павловны къ Милютину, Л. Больє, 125.

³⁾ „Слово земство наводитъ страхъ въ высшихъ сферахъ“, писала 26-го января 1862г. великая княгиня Милютину. См. тамъ же.

⁴⁾ Il faut faire quelque chose, такъ выражались тогда, по словамъ В. Н. Безобразова, наши передовые бюрократы, см. и. с. Безобразова, стр. 500.

⁵⁾ См. п. Истор. Записку, стр. 307.

братії отъ „неумѣстныхъ притязаній“ общества (стр. 4), нежели обь установлениі правъ мѣстнаго общества отъ власти губернаторовъ, предъ которыми, по выражению Б. Н. Чичерина, все привыкло склоняться и которые привыкли, чтобы все предъ ними склонялось¹). Словомъ, Валуевскій докладъ производить такое впечатлѣніе, какъ будто дѣло шло не обь установлениі иѣкотораго контроля общества надъ мѣстнымъ управлѣніемъ и не обь ограниченій всемогущей буржуазіи, пустившой глубокіе корни, а обь защитѣ ея отъ чрезмѣрныхъ притязаній всесильнаго самоуправлѣнія!

III.

Осенью 1862 г. были расpubликованы въ газетахъ основныя на-
заряд земской реформы. Они имѣли тотъ нежелательный характеръ
«не освѣщенныхъ наукою полумѣръ, палліативныхъ средствъ», отъ
которыхъ такъ настойчиво предостерегалъ знаменитый ученый, проф.
Радкинъ (см. выше главу IV § 8). Вліяніе общественнаго мѣнія на
дѣйшійшее теченіе реформы было крайне незначительно. Правда,
что внесеніи 26-го мая 1863 г. проекта земскаго Положенія въ засѣ-
даніе соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта пригла-
шены были петербургскіе и московскіе губернскіе предводителы дво-
рянства и городскіе головы, но даже и это ничтожное участіе обще-
ственнаго элемента не имѣло никакихъ послѣдствій, потому что замѣ-
чанія «экспертовъ», даже самыя умѣренныя, никакого воздѣйствія
не оказали. Голосъ печати также никакого замѣтнаго вліянія не
имѣлъ. Для характеристики тогдашняго настроенія любопытенъ инци-
дентъ, имѣвшій мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу одного
литературнаго проекта. Сославшись на статью офиціального ор-
гана *Спінерной Печати*, гдѣ сказано было, что при обсужденіи зем-
ской реформы въ Совѣтѣ будутъ приняты въ соображеніе и труды
литераторовъ, московскій предводитель дворянства просилъ позволенія
прочесть краткое извлечenie, сдѣланное имъ изъ проекта *Москов-
скихъ Ведомостей* «объ представительствѣ землевладѣнія». Противъ

¹) См. *Наше Время* 1862, № 217.

такой профанації ¹⁾ высшей государственій коллегії возражалъ це кто иной, какъ самъ вдохновитель вышеупомянутой статьи *Съверной Почты* (какъ онъ самъ заявилъ ²⁾ двоедушный Валуевъ, и обсуждение Катковскаго проекта дозволено было лишь при той фикції, что онъ исходить, какъ бы отъ самого предводителя дворянства.

Предварительное обсуждение проекта земской реформы, при участіи экспертовъ, было окончено въ юлѣ 1863 г., и дѣло грозило затянутыся, въ ожиданіи составленія устава о земскихъ повинностяхъ, если бы не энергичній толчекъ, данный Государемъ. 1-го ноября 1863 г., въ виду сильнаго нетерпѣнія, господствовавшаго въ обществѣ и печати, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «требую, чтобы дѣло это непремѣнно было окончено до 1 января 1864 г.» Къ 5-му декабря окончено было обсужденіе проекта въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи ³⁾, а 14-го, 16-го и 17-го декабря 1863 г. обсуждало его Общее Собрание Государственнаго Совѣта.

Измѣненія, внесенные Государственнымъ Совѣтомъ въ проектъ Валуевской комиссіи, касались главнымъ образомъ смягченія сословнаго характера земскихъ учрежденій (проектъ устанавливавъ уменьшеній цензъ для дворянъ-земледѣльцевъ) и ограниченія власти администраціи (такъ, напримѣръ, министерство внутреннихъ дѣлъ оставляло за собою право назначать представителей уѣздныхъ земскихъ собраний, а также по своему усмотрѣнію (п. XII проекта) измѣнять предметы вѣдомства земства).

Наиболѣе рѣшительными противниками сословнаго начала выступили баронъ Корфъ, Бахтина и кн. Суворовъ (къ нимъ въ общемъ собраніи присоединился Тымовскій). Возражая противъ раздѣленія

1) На безынтересно отмѣтить, что въ томѣ LXVI дѣла о преобразованіи судебнной части въ § 4 поименовано до 30 № газетъ (*Моск. Видѣо-День, Голосъ и др.*), официальномъ приложенныхъ, для соображенія. См. стр. 47 Описи этого дѣла, напечатанной въ видѣ приложения къ книгѣ моей, „Основы Судебной реформы“.—При университетской реформѣ печати отвѣтили нар. просв. А. В. Головинъ видное мѣсто.

2) Ист. Зап., стр. 69—70.

3) Предсѣдательствовалъ кн. П. Н. Гагаринъ, членами были: М. Г. Хомутовъ, бар. М. Л. Корфъ, Н. Ф. Мѣтлинъ, Е. Н. Ковалевскій, П. А. Мухановъ, гр. В. Н. Панинъ, Н. И. Бахтина, гр. В. Ф. Адлербергъ, кн. Н. А. Долгоруковъ, кн. Италійскій, гр. А. А. Суворовъ-Рымникскій, Н. М. Толстой, Д. А. Милютинъ, Л. Л. Зеюный, П. А. Валуевъ, М. Х. Рейтернъ, П. Н. Мельниковъ.

избирателей на три собрания—землевладельческое (главнымъ образомъ, дворянское), городское и сельское—четыре члена указывали на то, что цѣль образования земскихъ учреждений состоять въ томъ, чтобы въ каждой мѣстности призвать къ завѣдыванію мѣстными хозяйственными дѣлами *всѣ классы* общества, земство составляющіе, *безразлично*, такъ какъ самое земство есть не что иное какъ соединеніе жителей одной мѣстности для удовлетворенія общимъ хозяйственнымъ нуждамъ. Этой цѣли не соответствуетъ предположенный въ проектѣ порядокъ избрания гласныхъ тремя группами, каждою отдельно. Избранныя та-
кими отдельными кружками лица будутъ считать себя делегатами избравшихъ ихъ классовъ общества и будутъ действовать не какъ представители *общихъ* всему земству интересовъ, а какъ защитники особыхъ выгодъ каждого отдельного класса. При этомъ не достигается то *единодушіе*, которое должно составлять *главный характеръ* всѣхъ дѣйствій земскихъ учреждений (см. выше въ главѣ II тождественный взглядъ тверского дворянства, изложенный въ Обзорѣ Основаній тверского проекта), въ завѣдываніе коихъ поступаютъ не отдельные, часто противоположные другъ другу, сословные интересы, остающіеся по прежнему на попеченіи самихъ сословій, а *земскія дѣла*, представляющія *общіе для всѣхъ интересы*. Только при избрании гласныхъ въ собранияхъ, въ коихъ участвуютъ избиратели *безъ различія сословій*, будетъ достигнуто, что гласные будутъ смотрѣть на себя какъ на представителей всего земского общества и считать себя обязанными действовать безпредвзятно, *а не въ выгоду того или другаго сословія*¹⁾.

Однако подавляющее большинство 40 членовъ Государственного совѣта высказались въ пользу Валуевскаго проекта, находи, что соединеніе избирателей въ одно собрание было бы механическое, становило бы крестьянъ въ соотношенія, *несвойственныхъ* ихъ понятіямъ и привычкамъ, и вызвало (?) бы антагонизмъ (!) между сословіями.

При обсужденіи вопроса о предсѣдательствѣ въ уѣздныхъ земскихъ собранияхъ, голоса раздѣлились по ровну—23 голоса было ²⁾ за представление предсѣдательства лицу, избранному собраниемъ, 23—за уѣзда предводителя дворянства. Послѣднее мнѣніе Высочайше утверждено и получило силу закона. Что касается губернскаго собранія, большинство (17 членовъ)³⁾ высказалось за избрание предсѣдателя

¹⁾ Истор. Записка, 105—106.

²⁾ Тамъ же, 160.

³⁾ Тамъ же, 159.

самимъ собраниемъ, а большинство (29 голосовъ) за предоставление предсѣдательства губернскому предводителю. Меньшинство¹⁾ (граф. Блудовъ, граф. Строгановъ, Хомутовъ, бар. М. Корфъ 2-й, гр. Литке, Иришишниковъ, Вахтина, Норовъ, гр. Армфельдъ, Мѣтлинъ, Ковалевскій, Д. А. Милютинъ, Мельниковъ, Зеленый, Головнинъ, Рейтернъ и Краббе), имѣя въ виду, что губернское земское собрание состоитъ изъ выбранныхъ земствомъ представителей, находило, что вообще было бы несогласно съ выборнымъ началомъ и крайне неудобно назначать въ это собрание предсѣдателя со стороны, помимо желания самого общества. Такая мѣра имѣла бы еще ту невыгоду, что предводитель дворянства есть представитель *одного сословія*, выбранный симъ же сословіемъ, и назначеніе предсѣдателемъ земского собрания, въ коемъ участвуютъ заинтересованные въ одинаковой мѣрѣ *всѣ классы* общества, было бы такимъ явнымъ *предпочтеніемъ* дворянского сословія, въ общемъ для всѣхъ земскомъ устройствѣ, что не могло бы не породить пререкацій между сословіями и повредить и успѣху новыхъ учрежденій. Губернское собрание будетъ заниматься дѣлами, касающимися земского хозяйства: кругъ его дѣйствій ясно обозначенъ въ Положеніи и затѣмъ, по утвержденію 17 членовъ, не могло быть никакой опасности предоставить собранию имѣть предсѣдателя по выбору. Напротивъ, можно было опасаться, по ихъ мнѣнію, что собрание, въ коемъ значительная часть членовъ не принадлежитъ къ выборнымъ отъ дворянства, будетъ *парализовано* въ своихъ дѣйствіяхъ постановлениемъ во главѣ его лица, выбранного однѣмъ только дворянствомъ. Въ такомъ собраніи неминуемо возникнетъ борьба сословныхъ притязаній, не будетъ единодушія, неobходиимаго для успѣха дѣла.

29 же членовъ (вел. кн. Николай Николаевичъ, принцъ Ольденбургскій, гр. Рибопьеръ, гр. Адлербергъ, гр. Клейнмихель, кн. Гагарингъ, Кочубей, гр. Шуваловъ, бар. Корфъ I, Сухозанетъ, Танѣевъ, гр. Нашинъ, кн. Долгоруковъ, Платутинъ, Чевкинъ, кн. Горчаковъ, бар. Врангель, Брокъ, Анценковъ, Княжевичъ, гр. Игнатьевъ, кн. Суворовъ, Тымовскій, гр. Толстой, гр. Валуевъ, Мухановъ, Татариновъ, Замятинъ и Платоновъ) въ виду важности ввѣряемыхъ губернскимъ земскимъ собраниемъ дѣлъ и значенія ихъ, какъ выборныхъ отъ мѣстного населенія, полагали, что было бы *неосторожно* предоставить избрание предсѣдателя собранію и что слѣдовало назначить

1) Тамъ же, 166.

предсѣдателемъ губернскаго предводителя, какъ лицо *благонадежное и способное*¹⁾.

По вопросу объ организации и предѣлахъ власти земскихъ учреждений представилъ пространный замѣчанія главноуправляющей II отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи баронъ М. Корфъ. Цѣль земской реформы, писалъ онъ, конечно не въ томъ, чтобы *на место однихъ присутственныхъ мѣстъ учредить другие*, хотя бы и въ лучшемъ и правильнѣйшемъ составѣ, сущность ея напротивъ, въ измѣненіи самыхъ коренныхъ условій нашей системы мѣстного правленія, *въ разрушеніи ея старыхъ основъ* и построеніи ея на началѣ, почти совершило ей чуждомъ—*десентралізациіи и самоуправлениіи*. Указавъ затѣмъ на нагубныя послѣдствія централизаціи, въ особенности для такой обширной и мало культурной страны, какъ Россія, бар. Корфъ замѣчаетъ, если подобная система, хотя и съ постоянными противъ себя нареканіями, могла до послѣдняго времени существовать у насъ, то, безъ сомнѣнія, лишь потому, что на самомъ дѣлѣ, какъ известно, бѣльшая часть предписаний высшаго правительства на мѣстахъ *не выполнялась* и дѣйствительная жизнь врознь съ ними. Съ другой стороны, централизація отнимаетъ у мѣстныхъ жителей *охоту* заниматься своими общественными дѣлами, вслѣдствіе чего народъ оставаясь чуждымъ практическимъ трудностямъ управления, дѣлается болѣе и болѣе способнымъ предаваться политическимъ фантазіямъ и причину всякаго зла въ обществѣ, даже самого естественнаго и неизбѣжнаго, приучается относить къ правительству²⁾.

При разсмотрѣніи проекта въ соединенныхъ департаментахъ с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства высказалъ, что хотя ст. 6 полож. и предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ самостоятельность, но въ другихъ статьяхъ *начало самостоятельности* не только не поддерживается, а напротивъ того совершеннао *уничижается*—подчиняя составленіе смѣть и самое избраніе должностныхъ лицъ и пр., *утвержденію администраціи*. Бар. Корфъ³), съ своей стороны, настаивая на необходимости предоставления самостоятельности земству, говорилъ, что, въ виду выказаннаго обществомъ въ послѣднее время (Нольского восстания) патріотизма, слѣдуетъ къ нему обратиться съ добѣремъ. „Общество прежде всего желаетъ, сказалъ онъ, чтобы зем-

¹⁾ Тамъ же, 271—284.

²⁾ Тамъ же, 292.

³⁾ Тамъ же, 293.

скія учрежденія, какъ бы ни былъ ограничить кругъ ихъ дѣятельности, имѣли *дѣйствительную* самостоятельность. Было бы крайне неосторожно нынѣ, когда возбуждено общее ожиданіе устройства земскихъ учрежденій *на началахъ довѣрія* правительства къ обществу, дать слишкомъ мало, не удовлетворить общія надежды и тѣмъ возбудить только неудовольство. Тогда скажутъ, что вмѣсто дѣйствительного земского управления прибавлено только нѣсколько новыхъ административныхъ мѣстъ¹. Къ этому мнѣнію присоединились военный министръ Д. А. (нынѣ графъ) Милютинъ и министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій²). Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, между прочимъ, возражалъ: нареканія на стремленіе бюрократіи весьма преувеличены (?— см. выше § 1 отзывъ самого Валуева), и полагалъ, что при самостоятельности земскихъ учрежденій создается *государство въ государствѣ* (*sic*).

При исчислении отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства земскихъ учрежденій, Е. П. Ковалевскій предложилъ включить «попеченіе о народномъ образованіи». Предложеніе было принято, несмотря на возраженіе извѣстнаго гр. Шапина, высказавшаго, что эти предметы (попеченіе о народномъ образованіи, народномъ здравіи и о тюрьмахъ), требуютъ многосторонняго разсмотрѣнія и что передать ихъ земству значило бы возбудить надежды и притязанія (!), которыхъ, можетъ быть, невозможно будетъ удовлетворить.³

Московскій городской голова кн. Щербатовъ, возбудилъ очень важный вопросъ о раздѣленіи земскихъ повинностей, вызывавшій крайне страстныя пренія. Предметы вѣдомства земскихъ учрежденій окончательно могли быть опредѣлены только съ пересмотромъ уст. о земскихъ повин., который еще не былъ оконченъ. Кн. Щербатовъ полагалъ полезнымъ указать въ земскомъ Положеніи, по крайней мѣре, общий принципъ разграничения губернскихъ земскихъ повинностей отъ государственныхъ, добавляя, что если всѣ повинности, признаваемы нынѣ государственными, будутъ считаться государственно-земскими и передадутся въ завѣдываніе казны, то на долю земскихъ учрежденій останется всего $\frac{1}{5}$, т. е. менѣе 5,000,000 руб.³), между тѣмъ они будутъ завѣдывать *всмы* повинностями и государственными, и губернскими. Имѣя въ виду, что персоналъ земскихъ учрежденій будетъ

1) Тамъ же, 294.

2) Тамъ же, 302.

3) Тамъ же, 304. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губернскій сборъ былъ еще менѣе, не доходилъ до $\frac{1}{10}$; см. и. с. Головачева, стр. 188.

состоять не менѣе, какъ изъ 2,000 лицъ ¹⁾, можно предвидѣть, что онъ поглотить 40% бюджета, чѣмъ нельзѧ признать нормальнымъ. Расширеніе правъ земства и то незначительное въ распоряженіи ^{1/5} частью земскихъ повинностей не оправдываетъ, говорилъ князь, устрадненія его отъ всякаго участія въ завѣдываніи остальными ^{4/5}. По симъ соображеніямъ кн. Щербатовъ полагалъ, что не слѣдовало совершенно устраниТЬ вліяніе земства и на ту часть земскихъ сборовъ, которая составляетъ государственные повинности и, по крайней мѣрѣ, предоставить новымъ учрежденіямъ *участіе* въ составленіи сметъ и *обревизованіи* расходовъ по симъ сметамъ.

Министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ и министръ народнаго просвѣщенія Е. И. Ковалевскій полагали полезнымъ имѣть въ виду отзывы новыхъ учрежденій по сему предмету. П. И. Бахтинъ горячо поддержалъ предложеніе кн. Щербатова и замѣтилъ, что *совѣщательный голосъ* земскихъ учрежденій можетъ быть допущенъ безъ всякаго опасенія па счетъ превышенія ими власти и ограниченія свободной правительственной инициативы. Практическая возможность и удобство такого законодательного приема, сказалъ Бахтинъ, подтверждается бывшими примѣрами: правительство не встрѣчало никакихъ неудобствъ и опасеній при созывѣ въ 1857 и 1858 гг. губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, на предварительное обсужденіе которыхъ былъ представленъ вопросъ еще большей важности—крестьянская реформа ²⁾.

Большинство членовъ не согласилось однако съ предложеніемъ кн. Щербатова. И. А. Валуевъ разразился громовою фразистою филиппикой, указывая, что предложеніе кн. Щербатова грозитъ отечеству неминуемою бѣдою (обсужденіе въ послѣдуюція времена земскими собраниями проекта подоходнаго налога, какъ извѣстно, основъ государства не поколебало). „Предоставить земскимъ учрежденіямъ участіе въ дѣлахъ общегосударственного интереса, ораторствовалъ Валуевъ, значило бы раздроблять (*sic*) единую государственную правительственную власть между 40 или 50 отдѣльными единицами и подвергать *общественный порядокъ и весь государственный строй опасностямъ*, въ важности которыхъ едва ли кто позволить себѣ сомнѣваться. Желание, чтобы земскія учрежденія произвели благопріятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, чтобы возбужденныя ожиданія были по возможности удовлетворены, не можетъ быть основаніемъ къ тому, чтобы

¹⁾ Тамъ же, 304—305.

²⁾ Тамъ же, 307—308.

расширить кругъ этихъ учреждений за предѣлы возможнаго (?) и не-
обходимаго, дать имъ законодательную (?) инициативу, предоставить
имъ самимъ опредѣлить кругъ своей дѣятельности, *связать правительству руки*¹⁾ и публично заявить это въ текстѣ самого закона! Вътъ сколько ужасовъ усмотрѣлъ, захлебнувшійся въ фіоритурахъ собственнаго красорѣчія, „соловей-либералъ“ Валуевъ въ скромномъ предложеніи кн. Щербатова²⁾). Еще шагъ, и П. А. Валуевъ могъ обвинить сторонниковъ этого предложения въ политической неблагонадежности и въ государственномъ преступленіи. Препія получили столь не свойственный мѣсту бурный характеръ, что предсѣдатель кн. П. П. Гагаринъ прекратилъ ихъ послѣ грозной катилинаріи побѣдоноснаго Валуева...

1) Да же П. А. Валуевъ поясняетъ, почему у правительства связаны были бы руки. „Правительство не должно ставить себя, говорить онъ, въ такое положеніе, чтобы у него *выпрашивали милости*“ (стр. 508). Если даже „выпрашиваніе милостей“, никому и никогда не возбраненное (см. стр. 340. Исторической Записки), представлялось, по мнѣнію Валуева, опаснымъ предоставлять органамъ общественного самоуправленія, то это одно показываетъ, какъ „свообразно“ представлять себѣ этотъ либералъ на словахъ, а на дѣлѣ бюрократъ до мозга костей, „самостоятельность“ земства. Нельзя не согласиться съ Безобразовымъ, когда онъ, характеризуя такихъ несправимыхъ бюрократовъ, восклицаетъ: „О, какъ опасны тѣ враги бюрократического порядка, которые сами бюрократы и дѣйствуютъ противъ него своимъ бюрократически сочиненными способами“. См. н. с. Безобразова, стр. 382.—*Отечеств. Записки* тоже подтрунивали надъ заботою „объ устрації въ будущемъ произвола общества, упускающаго изъ виду настоящій, очевидный произволъ бюрократіи“. — Говори объ уничтоженіи произвола, журналъ продолжаетъ: „сильныя лица всегда расположены думать, что законы не про нихъ писаны, слѣдовательно, уничтоженіе общаго произвола возможно только тогда, когда лица, задумавшія устранить его, не забудутъ прежде всего устранить изъ собственнаго сердца“. (1862, № 9, стр. 16, 25).

2) А. Головачевъ, указывая на то, что старыя дворянскія собранія дѣ юре ближе подходили къ понятію самоуправленія, нежели земскія учреждения 1864 г., отмѣчаетъ, что тѣ собранія имѣли право контроли не только надъ губернскимъ, но и государственнымъ земскими сборомъ. Съ улучшеніемъ этого права и съ перенесеніемъ его на общесословный земскія собранія, они, замѣчаетъ г. Головачевъ, могли бы сдѣлать многое, и послужить зачатками того контроля, который общество, по необходимости, должно имѣть надъ администраціею и который признавался полезнымъ за весь періодъ времени отъ 1805 до 1864 г. Къ сожалѣнію, говоритъ г. Головачевъ, законъ 1864 г. не сохранилъ этого права за мѣстнымъ обществомъ; а напротивъ, подчинилъ дѣйствія общества контролю администраціи. См. н. с. Головачева, стр. 188—189.

И подумаешь, всѣ эти перуны спасителя цѣлости Россіи направляемы были противъ безобидной мѣры, которая являлась дополненiemъ и развиемъ дѣйствовавшаго со временемъ Николая I законодательства, въ силу котораго дворянство имѣло право провѣрять отчеты не только о губернскому, но и по государственному земскому сбору. И такое-то частичное ничтожное участіе общества въ контролѣ надъ администрациею, признававшееся нужнымъ даже въ николаевскія времена, было сочтено И. А. Валуевымъ и его единомышленниками опаснымъ для цѣлости государства! Вотъ кто, по ironії судьбы, долженъ быть *обновителемъ* бюрократической строй и насадить *основы самоуправления*—самоувѣренійній изъ бюрократовъ, вѣрившій лишь въ себя и въ государственное разумѣніе департаментскихъ чиновниковъ и мѣстныхъ агентовъ бюрократіи; фразеръ, на словахъ кокетничавшій (въ *Сибирской Почты* прямо заявляли, что земская учрежденія „школа представительныхъ учрежденій“ съ обществомъ и самоуправлениемъ, а въ душѣ боявшійся ихъ, какъ огня!?)... Какъ бы не пришлось имени двуличного И. А. Валуева перейти въ исторію съ тѣми нелестными эпитетами, которые онъ въ своемъ Дневнику такъ щедро расточалъ своему принципалу М. Н. Муравьеву...²⁾.

IV.

1-го января 1864 г. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ получило законодательную санкцію.

Въ первой книжкѣ *Вѣстника Европы* извѣстный въ началѣ 60-хъ гг. своимъ либерализмомъ и самостоятельностью московскій цензоръ и

¹⁾ Кто бы могъ подумать, что этотъ блестящій вольнодумецъ, съ такимъ презрѣніемъ взирающій, пока не былъ у власти, на представителей старого порядка, по понятіямъ которыхъ Россія была для 14-ти граниаго зерна простою скорлупою, т. е. Россія кончалась XIV классомъ по табели о рангахъ (см. Дневникъ Валуева въ Русской Старинѣ 1891, № 11, стр. 395), самъ заплатить дань этому неизлѣчимому недугу бюрократовъ.

²⁾ Желая охарактеризовать пристрастіе къ произволу и двоедушіе мин. госуд. имущ. М. Н. Муравьева, Валуевъ называетъ его ханомъ, пашей, мандариномъ и т. п. и, наконецъ, „государственнымъ хамелеономъ“, добавляя, что можно говорить не о двуличности его, а о многоличности“. (См. Дневникъ Валуева въ Русск. Стар. 1891, № 10, стр. 179).

впослѣдствіи крупный петербургскій земскій дѣятель Н. Ф. фонъ-Крузе въ немногихъ словахъ отмѣтилъ органическій порокъ, который явно замѣчался въ Земскомъ Положеніи 1864 г. «Хотя нововведеніе было вызвано, писать онъ, неудовлетворительностью прежняго канцелярскаго порядка въ управлениі народнымъ хозяйствомъ, но тѣмъ не менѣе устройство нововведенія пришлось поручить тому же канцелярскому порядку и руками, признанными за неискусныя, учреждать то, что должно будетъ ихъ замѣнить»¹).

И. С. Аксаковъ во *Днѣ*, отдавая полусерьезно, полуиронически „должную дань почтенія усердію административныхъ лицъ въ тяжеломъ трудѣ *сочиненія* и изготавленія проектовъ о земскихъ учрежденіяхъ”, вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ недоумѣніе по поводу того, что въ данномъ случаѣ правительство дѣйствовало «виѣ помоци общественной, безъ пособія органическаго творчества жизни». День тѣмъ болѣе удивлялся такому игнорированію общественнаго мнѣнія, что еще недавно общество было свидѣтелемъ того, «какимъ плодотворнымъ путемъ предварительныхъ общественныхъ работъ съумѣло правительство усвоить общественному сознанію и вѣдѣнію величайшее свое законодательное дѣло—освобожденіе крестьянъ»²).

М. И. Катковъ, относясь довольно скептически къ Земскому Положенію, какъ продукту «бюрократическаго умозрѣнія», привѣтствовалъ земство, какъ начало *общественного безсловеснаго самоуправления*. „Законъ 1 го января имѣть особенную важность, говорили *Московскія Вѣдомости*, не по тѣмъ специальными учрежденіями (собраниемъ и управамъ), которыя онъ создаетъ, а по тѣмъ *началамъ*, которыя онъ вызываетъ въ наній народной организації. Въ этихъ-то началахъ заключается его *главное значеніе*. До сихъ поръ русскій народъ не имѣлъ *совокупной организаціи*, теперь онъ имѣть ее. До сихъ поръ мы имѣли отдѣльныя гражданскія состоянія, чуждыя другъ другу, раздроблявшія народъ или скрывавшія его единство и препятствовавшія теченію его жизни; теперь положено начало живой цѣльной организаціи земства, основанной на всеобщемъ началѣ собственности. До сихъ поръ у насъ было *замкнутое сословіе дворянъ-помѣщиковъ*; теперь мы получаемъ *вольную* (*sic*) группу землевладѣльческихъ классовъ, къ которой будутъ принадлежать люди всѣхъ состояній при извѣстномъ размѣрѣ поземельной собственности и въ которой дворян-

1) Вѣстникъ Европы 1866, № 1.

2) Соч. Аксакова, V, 254.

ство не просто войдетъ въ соприкосновеніе съ другими сословіями, но вступить въ органическую связь съ народомъ»¹⁾.

Зато глашатай олигарховъ-брѣпостниковъ *Вѣстъ*,—предвосхищая первы современаго органа „единственно порядочныхъ гражданъ“, какъ онъ самъ себя называетъ, „или паяца“, „грязнаго хвоста консерватизма“, органа „промотавшихся опричниковъ“, какъ величаютъ его, его-же единомышленники, другіе консервативные органы—видѣлъ въ всесословномъ характерѣ земства и особенно въ допущеніи „мужичья“, прямое отраженіе революціонныхъ идей 1789 г. и соціалистического движенія вообще, вкупе съ коммунистикомъ въ частности²⁾.

Начиная съ 7-го февраля 1865 г. постепенно стали открываться земскія учрежденія. Въ 1865—1866 г. они были введены въ 27 губерніяхъ Европейской Россіи, въ 1867—1875 г. еще въ 6 губерніяхъ.

Если вообще способъ введенія реформы много значитъ, то онъ особенно былъ важенъ въ данномъ случаѣ, когда законодательство само было крайне несовершенно, въ смыслѣ принципіальной выдержанности, и открывало широкій просторъ для урѣзокъ при столкновеніи земства съ административными властями. Отчасти намекая на этотъ недостатокъ Положенія 1-го января, М. Н. Катковъ писалъ еще 6-го января 1864 года, что при примѣненіи Положенія «желательна зоркая мудрость и либеральность»³⁾. Не трудно догадаться, какого „либерального“ духа и направленія могла держаться администрація, руководимая такимъ неискреннимъ другомъ либерализма и самоуправленія, какъ П. А. Валуевъ.

Прежде всего онъ настоялъ на томъ, чтобы и безъ того ничтожныя финансовые средства земскихъ учрежденій были еще болѣе урѣзаны при составленіи Временныхъ Правилъ о разверстаніи земскаго сбора между казною и земствомъ. Во многихъ губерніяхъ переданный въ распоряженіе земства сборъ не превышалъ 40—50 т. р., а между тѣмъ на содержаніе однихъ земскихъ учрежденій нужно было тратить 80,000—100,000 руб.⁴⁾. Чтобы выйти изъ затруднительного положенія, земство, въ виду крайней обремененности крестьянскаго населения и сравнительно большаго обремененія поземельной собственности, рѣшилось усилить обложение фабрикъ, заводовъ и другихъ промыш-

¹⁾ См. назв. сб. Невѣдѣнскаго, ст. 429—430.

²⁾ См. цитату у Аксакова, V, 401.

³⁾ См. Московскія Вѣдомости 1864, № 9.

⁴⁾ И. с. Головачева, 192.

ленно-торговыхъ заведеній. Администрація рѣшительно воспротивилась этому, а на одно изъ земствъ, настаивавшее на своемъ правѣ (петербургское), вылила неожиданно такой потокъ холодной воды¹⁾ (земскія учрежденія, въ виду доклада Валуева, были закрыты 6-го января 1867 г. и дѣла земства переданы въ старыя присутствія мѣста), что надолго должна была пропасть охота у земскихъ дѣятелей дѣйствовать «самостоятельно». Рядомъ съ этимъ шло пренебрежительное отношеніе къ земскимъ ходатайствамъ²⁾, усиленіе дискрепіонной власти предсѣдателя земскаго собрания³⁾, стѣсненіе гласности⁴⁾ и пр. и пр.

Въ 1868 г. мѣсто Валуева занялъ ген.-адъют. Тимашевъ, но отношеніе правительства къ земству не улучшалось⁵⁾. «Земскія учрежденія, писалъ Катковъ въ 1870 г.⁶⁾, представляютъ печальное

1) С.-Петербургская земская управа въ 1867 г. отказалась исполнить требований губернатора объ измѣненіи смыты, находя ихъ противными закону и предлагала принести жалобу на ministra, который оставилъ безъ послѣдствій 12 изъ 26 ходатайствъ земства. Земскія учрежденія были закрыты, каковую чрезвычайную мѣру и М. И. Катковъ находилъ неоправдываемою обстоятельствами. Никитенко въ своемъ Дневнику также сожалѣть объ ней (т. III, 135).

2) Херсонское земство не получило въ теченіе года по 19 ходатайствъ никакого отвѣта (соч. Аксакова, V, 397).

3) До чего доходилъ произволъ предсѣдателей, можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Священникъ былъ исключенъ изъ масальскаго земскаго собрания, вслѣдствіе столкновенія его съ крупнымъ землевладѣльцемъ. Несмотря на требование 15 гласныхъ, предсѣдатель не допустилъ обсужденія жалобы исключеннаго гласного (см. т. V, соч. Аксакова, стр. 410).

4) Любопытно, что законъ 13-го июня 1867 г., подчинившій гласность цензурѣ губернатора, по комментарію валуевскаго органа „Сѣверной Почты“, оказывался не стѣсненіемъ, а „распространеніемъ“ правъ земства. По поводу этого изумительного опыта превращенія „чёрнаго въ бѣлое“ И. С. Аксаковъ писалъ: „это, конечно, очень смѣло, но едва ли безвредно, ибо отнимаетъ у правительственный мѣры достоинство прямоты и откровенности“. Тамъ же, стр. 409.

5) Неблагопріятное для земскихъ учрежденій направление правительстенныхъ мѣръ и въ особенности ограниченіе гласности, которому есть для нихъ то же самое, что воздухъ для организма, писалъ Катковъ въ 1868 г., подѣйствовали на нихъ мертвящимъ образомъ. (См. сб. Невѣдѣнскаго, стр. 442).

6) См сб. Невѣдѣнскаго, стр. 444—445. Всякий, кто внимательно слѣдилъ за дѣятельностью нашего земства, говорили Москвоск. Вѣдомости въ 1869 г., не можетъ не замѣтить, что институтъ этотъ имѣть будущность, если только законодательство поставить его въ благопріятныя условія (№ 267).

зрѣдище. Гласные во многихъ мѣстахъ охладѣваютъ къ своему дѣлу, нерестають видѣть въ немъ *серъезное дѣло* государственного значенія ¹⁾), начинаютъ сомнѣваться въ его будущности. Они замѣчаютъ въ правительственныйыхъ властяхъ какое-то глухое *нерасположеніе* къ тому созданію правительственной власти. Многія земскія собранія послѣдней сессіи шли вяло, за малочисленностью гласныхъ; иныя совсѣмъ не состоялись за неприбытіемъ узаконеннаго числа членовъ».

Земскія учрежденія начали все болѣе и болѣе хирѣть и чахнуть, чему отчасти способствовало также апатичное и реакціонное настроеніе ²⁾ общества. Какъ ни трудно было вдохнуть жизнь въ общество, находившееся долго подъ гнетомъ,—легче угнетать, говоритъ

1) При обсужденіи вопроса о пересылкѣ земской корреспонденціи земства приравнены были къ частнымъ учрежденіямъ. (См. и. с. Безобразова, стр. 541).

2). Въ провинціальномъ обществѣ, писалъ Салтыковъ въ концѣ 60-хъ годовъ, существуютъ извѣстные слои, въ которыхъ 19-е февраля отозвалось послѣдствіемъ свойства довольно неожиданного. Въ противность всякимъ сображеніямъ, оно выдвинуло впередъ въ этихъ слояхъ совсѣмъ не тѣхъ, кого следовало выдвинуть и поставитъ въ дѣятельности совсѣмъ не тѣхъ, кого следовало въ дѣятельности поставить. Однимъ словомъ, вышла какая-то безпримѣрная и только у насъ возможная пуганица, вслѣдствіе которой нѣтъ практическими дѣятельностями *на почву 19-го февраля* явились люди, не могущіе и даже не дающіе себѣ труда воздержаться отъ судорожнаго подергиванья при малѣйшемъ намекѣ на эту почву; люди же, всецѣло преданные дѣлу, кѣрящіе ить его будущность, очень часто не только отстращиваются отъ всякоаго вліянія на правильный исходъ его, но даже къ великой чотѣхъ: многочисленнаго союза фофановъ и праздношатающихся, обзывающихся коммунистами, нигилистами, революціонерами и демагогами... Что представляеть, спрашивается онъ, извѣ, непрестанно точащую провинціальную исторіографовъ-ненавистниковъ? Эту извѣ соста вляетъ упраздненное прѣюстніе право, гласные суды, земство т. е. то, въ чемъ замыкается существенный смыслъ 19-го февраля. Ненавистничество до такой степени подняло голову, что самое слово „ненавистникъ“ сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ рекомендательнаго письма. Ненавистники не вздыхаютъ по угламъ, не скрещиваютъ зубами въ тихомолку, но авторитетно, публично, при свѣтѣ дня и въ всѣхъ диалектахъ изрыгаютъ хулу, и, не опасаясь ни отпора, ни возраженій, сулять покончить въ самомъ ближайшемъ будущемъ съ тѣмъ, что они называютъ „гнусною закваскою нигилизма и демагогіи“ и подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть отнюдь не демагогію и нигилизмъ, до которыхъ ненавистнику нѣть никакого дѣла, а преобразованія послѣднаго времени. (Сочин. II, 360—361). Это писалось въ концѣ 60-хъ годовъ.—„Ненавистники“ 80-хъ—90-хъ годовъ, какъ извѣстно, заткнули за носятъ своихъ предшественниковъ.

великий историкъ древности, нежели вновь воззвать къ жизни ¹⁾,— но первые успѣшные шаги земства ²⁾ показывали, что въ обществѣ были еще живыя силы и что безусловно былъ правъ Катковъ, когда по открытіи земскихъ учрежденій съ торжествомъ говорилъ: «не-правда! у насъ есть люди, дайте учрежденія—люди явятся» ³⁾...

Кто знаетъ, чего бы можно ждать отъ нашего самоуправлія, если бы въ такой исключительный по важности ⁴⁾ моментъ, какъ 60-е годы, эпоха великихъ реформъ и возрожденія Россіи, тонъ внутренней политики давалъ не такой двусмысленный творецъ двусмысленнаго блѣднаго самоуправлія,—которое зло, но мѣтко было уподоблено Катковымъ «гримасѣ человѣка, который хочетъ чихнуть, но не можетъ» ⁵⁾,— а истинный другъ самоуправлія, глубоко вѣрующій въ великие прин-

¹⁾ Taciti, Vita Agricolae, V.

²⁾ См. статью В. Ю. Скалона „Земское дѣло въ № Русскихъ Вѣдомостей отъ 7-го февраля за 1890 г., а также назв. с. Свѣшникова, стр. 130 и слѣд.

³⁾ Наз. сб. Невѣдѣнскаго, 416.—Въ началѣ 1873 г. Никитенко пишать: „Вотъ формула того, чѣмъ могли бы удовлетвориться всѣ разсудительные люди нашего времени: съ одной стороны поддержаніе всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія, съ другой—дѣятельность въ предѣлахъ этихъ реформъ“.. (стр. 322). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Никитенко пишеть: „Испугались реформъ тѣ самые, которые ихъ произвели. Они ожидали, что изъ реформъ возникнетъ самая порядочная, сообразная съ ихъ желаніями жизнь, что нравы измѣнятся къ лучшему, промышленность и земледѣліе процветутъ, богатство потечетъ по всей странѣ рѣкою. Печать только и будетъ дѣлать, что *восхвалять...* Всѣ эти золотые сны не оправдались. То, что вѣками портилось и извращалось, не можетъ измѣниться въ нѣсколько лѣтъ. Главная задача реформъ совсѣмъ не въ томъ состояла, чтобы немедленно насладиться благами, элементы которыхъ въ нихъ заключаются, а въ томъ, чтобы положить имъ основаніе и сдѣлать эти блага возможными. Словомъ реформы имѣютъ въ виду не настоящее, а будущее. Поэтому не слѣдуетъ ихъ подкальывать, а обезпечивать ихъ прекрасныя послѣдствія, выжидать. Естественно, что онѣ произвели много такого, чего администраціи не желалось, много ошибокъ, неумѣнье пользоваться дарованными льготами, даже злоупотребленіе. Но въ высшей степени странно, что этого *не предвидѣли*. Слѣдуетъ ли изъ-за этого возвращаться къ прошедшему и парализовать сдѣланное, лишая его той силы, которая *одна* въ состояніи вывести насъ на лучшій путь?“ (Днев. III, 337).

⁴⁾ Наше поколѣніе, инсаль Катковъ 1-го января 1864 г., какъ-разъ въ день утвержденія Земскаго Положенія, держитъ въ своихъ рукахъ историческую будущность русскаго народа. Наша задача такъ колосальна, что поневолѣ становится жутко. (*Московскія Вѣдомости* 1864 г., № 1).

⁵⁾ См. *Моск. Вѣд.* 1880 г., № 212).

ции его и ради нихъ способный понять и извинить его случайные недостатки, промахи и даже припадки нервности, пароксизмы первого раздраженія, неизбѣжные у людей послѣ долгаго гнета?!...

Если за всѣмъ тѣмъ и не смотря на всѣ тяжелыя условія существованія, земскія учрежденія внесли экономію во многихъ расходахъ, сравнительно съ казеннымъ хозяйствомъ¹⁾, если изъ ничего создали народную школу²⁾, народную медицину³⁾, земское страхование и пр.,

¹⁾ Въ и. с. Головачева (стр. 192) приведены примѣры экопоміи въ 30%—50%. Это же подтверждается и сравненіемъ бюджетовъ земскихъ и неземскихъ губерній (см. *Русск. Вѣдом.* 1893, № 110).

²⁾ О томъ, какая тага avis была грамотной въ деревнѣ до земской реформы, см. выше въ главѣ I, § 2 свѣдѣнія объ чтеніи въ деревняхъ. Полож. о крестьянахъ.

³⁾ Медицина, по утвержденію знатока дѣла А. А. Головачева, отсутствовала не только въ уѣздѣ, и городахъ (см. стр. 199 и офиціальная выши въ статьѣ В. Ю. Скалона, въ *Съвернояз. Вѣстнике „Двадцатипятилѣтія земскихъ учрежденій*, стр. 163).

Г. Максимовъ указываетъ въ Юрид. жур., въ какомъ возмутительномъ положеніи находились больницы совсѣмъ, пока „въ нихъ хозяйствичала“, введенія въ 1864 г. земскихъ учрежденій, мѣстная губернская администрація. „Такъ, полтавская земская комиссія 1867 г., принимая эти учреждѣнія, констатировала, что всѣ зданія ихъ не были приспособлены къ имъ нуждамъ, для удовлетворенія которыхъ они предназначались, что гигиеническія требованія въ нихъ совсѣмъ не соблюдались, что „ремонтъ нѣй, освѣщеніе и отопленіе стояли ченомѣрно дорого, между комиссіонатскими статьями числилось много лишняго, для больничного хозяйства было определенныхъ нормъ и должностного контроля, управление находилось рукахъ некомпетентныхъ лицъ и т. д. О домѣ душевно-больныхъ въ гавѣ, по словамъ старшаго врача, „лучше не говорить, такъ постыдно держаніе этихъ несчастныхъ въ гигиеническомъ отношеніи и такъ чувствительно отсутствіе приспособленій для надлежащаго содержанія и приюта ихъ“. Саратовское губернское земство, принимая зданія заведеній казаза, установило, между прочимъ, что часть помѣщеній предназначалась для содержанія и лѣченія умалишеннѣй, была построена еще въ 1866 году и пришла въ крайнюю ветхость; другая часть, хотя и была построена всего за пять лѣтъ до сдачи заведеній въ земство, но имѣла существенные недостатки. Такъ, домъ оказался возвѣденнымъ на очень сырромъ стѣ, сдава ли не на родникахъ, а потому, по мнѣнію губернской управы, нельзя было ручаться, что поправки въ дономъ не окажутся необходимыми недалекомъ будущемъ. Бессарабское земство приняло домъ умалишеннѣй 104 больными и при одномъ служителѣ: все заведеніе это производило сильное удручающее впечатлѣніе. Въ Пермской губерніи, где земскія учрежденія были введены только въ 1870 г., т. е. когда уже имѣлся некоторый опытъ земской дѣятельности и следовательно были приняты кое-какія мѣры

создали, составляющую гордость русской науки предь Европою, осо-
бую земскую статистику¹⁾), если, помимо всего этого, земскія учре-
жденія послужили школою политического воспитанія для общества²⁾
и народа³⁾: то это доказываетъ, какъ живительна и плодотворна идея
самоуправлінія даже въ самомъ неудовлетворительномъ выражениі и
приложениі ея. Несмотря на всѣ «зигзаги»⁴⁾ русского прогресса, не
мертвящей бюрократической рутинѣ преодолѣть эту великую зиждитель-
ную и животворящую силу!

къ упорядоченію общественного призрѣнія, это послѣднее перешло къ зем-
ству въ самомъ печальномъ состояніи. На двухмилліонное населеніе имѣлось
только 11 больницъ всего съ 425 кроватями; но и эти больницы были крайне
неудовлетворительны. Достаточно сказать, что въ шести изъ нихъ не было
своихъ врачей, что зданія ихъ были ветхи, холодны, стѣны пропитаны не-
чистотами, печи развалились, потолки угрожали паденіемъ, больные были
перемѣщаны, даже сифилитики не отѣлялись отъ другихъ и т. д.[“]. Отмѣ-
тивъ далѣе, что при передачѣ больницъ земству значительно урѣзаны были
больничные капиталы и сокращены другіе доходы, авторъ сираведливо ста-
вить въ особую заслугу земскому самоуправлѣнію, что оно, не взирая на
свои крайне стѣсненные финансы, вдобавокъ поглощаемые обязательными
расходами, все-таки тратитъ на дѣло общественного призрѣнія довольно
значительныя суммы. Такъ, въ 1890 г. земства расходовали на этотъ пред-
метъ, не считая собственно медицинской части, 2,800,000 руб., что со-
ставляло около 10% земского бюджета на необязательные расходы. Авторъ
продолжаетъ: „Не повторяя общепрѣзѣстныхъ фактовъ, характеризующихъ
крайне неудовлетворительную постановку дѣла призрѣнія въ учрежденіяхъ,
передавшихъ свои заведенія земству, отмѣтишь, что, по свѣдѣніямъ, про-
никшимъ въ общую печать, эта важная отрасль государственного и обще-
ственного управления находилась въ самомъ печальномъ состояніи еще въ
губерніяхъ Казанской, Херсонской, Екатеринославской, Псковской, Мо-
сковской и во многихъ другихъ“. (Журн. С.-Пет. Юрид. Общ. 1895 г. № 6).

¹⁾ См. Рѣчь проф. А. И. Чупрова въ сборникѣ „25-ти лѣтіе Москов-
скаго Юридическаго Общества“. М. 1888. Развязный авторъ „Современной
Россіи“ доводить свою злостную игривость до того, что называетъ земскую
статистику „безобразіемъ, имѣвшимъ цѣлью возбудить крестьянъ противъ
помѣщиковъ“ (стр. 196).

²⁾ См. н. с. Безобразова 505. — Послѣ реформы 1864 г. петербургское
дворянство считало унизительнымъ для себя сидѣть въ городской Думѣ ря-
домъ съ купцами и лавочниками и т. п. людьми“.

³⁾ См. т. V. соч. Аксакова, стр. 96.

⁴⁾ Пройдея много времени, писалъ Ю. Ф. Самаринъ 19-го мая 1861 г. изъ
Самары Милютину, въ теченіе которого мы будемъ двигаться впередъ, но
зигзагами. см. н. с. Лероа-Болье, 87.